Книга? Ну уж нет, спасибо.
Все что мне нужно, есть
в интернете, бесплатно!

8 6 1 3

Kudri_Putina: 26m
А че экспертиза реально
так пишется?

1 5 9 3

СМЕРТЬ ЭКСПЕРТИЗЫ

как интернет убивает научные знания

кий_Философф: 4m
к очередная попытка
свое мнение!

6 1 8

Диванный_Эксперт:
На подобные исследо
тратятся миллионы, а
от них нет никакого!

5 2 3

Патриот123: 18m
Неужели вы не понимаете,
что это происки врагов?

7 9 3 5

ТОМ НИКОЛС

СынМаминойПодруги: 21m
Да кого вообще волнует,
что считает этот "эксперт"???

IT бестселлер

Том Николс

Смерть экспертизы

«Эксмо»
2017

УДК 316.6+004.7
ББК 88.52+32.973.202

Николс Т.

Смерть экспертизы / Т. Николс — «Эксмо», 2017 — (IT бестселлер)

Мы знаем, что глютен опасен. Мы уверены, что прививки не нужны. Мы не сомневаемся, что наших детей учат неправильно. Мы знаем лучше, ведь мы – настоящие ьэксперты, а не эти «умники» с дипломами и научными степенями. Автор этой книги, Том Николс, – американский ученый и политолог, специалист по международным отношениям и пятикратный чемпион Jeopardy! американского аналога «Своей игры». «Смерть экспертизы» – это не просто исследование современных тенденций в обществе, но и призыв задуматься, почему так происходит и, что самое главное, к чему это может привести.

УДК 316.6+004.7
ББК 88.52+32.973.202

© Николс Т., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие 6
Вступление 10
Что впереди 15
1 18
Нация любителей объяснять 18
Новое ли это явление? 20
Проблема не нова. А проблема ли это? 23
Время недостаточно информированных избирателей 27
Эксперты и обычные люди 30
2 37
Мне спор, пожалуйста 37
Возможно, все мы просто глупы 39
Склонность подтверждать свою точку зрения 42
Бабушкины сказки, суеверия и теории заговора 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49
Комментарии

Том Николс
Смерть экспертизы
Как интернет убивает научные знания

Tom Nichols
THE DEATH OF EXPERTISE: THE CAMPAIGN AGAINST ESTABLISHED KNOWLEDGE AND WHY IT MATTERS, FIRST EDITION

© Oxford University Press 2017 «THE DEATH OF EXPERTISE: THE CAMPAIGN AGAINST ESTABLISHED KNOWLEDGE AND WHY IT MATTERS, FIRST EDITION was originally published in English in 2017. This translation is published by arrangement with Oxford University Press. Eksmo is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.»

© Платонова Т.Л., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается
Линн Мэри Николс
и
Хоуп Вирджинии Николс
Первоклассной жене и бесподобной дочери

Предисловие

«Гибель экспертного знания» – это одна из тех фраз, что торжественно заявляют о собственной важности. Подобное название рискует отпугнуть массу читателей прежде, чем они откроют эту книгу, или даже заставить их специально искать в книге ошибки, чтобы просто поставить автора на место. Мне понятна такая реакция, потому что я сам испытываю похожие чувства, когда слышу любые огульные заявления. В нашей культурной и литературной жизни преждевременно хоронили многие понятия: позор, здравый смысл, мужественность, женственность, детство, хороший вкус, грамотность, оксфордскую запятую и т. д. Последнее, в чем мы нуждаемся, – это в еще одной хвалебной оде в адрес того, что, как мы знаем, еще не до конца умерло.

И хоть экспертное знание, или профессиональная компетентность, еще не погибло окончательно, ему грозит опасность. Что-то явно идет не так. В настоящее время Соединенные Штаты – страна, зацикленная на преклонении перед собственным невежеством. И дело не только в том, что люди не обладают достаточными знаниями в области науки или политики, или географии. Все так и есть. Но эта проблема не нова. И на самом деле, это даже не проблема, пока мы живем в обществе, которое функционирует благодаря разделению труда – системе, которая предназначена для того, чтобы освободить нас от необходимости знать все обо всем. Пилоты управляют самолетами, адвокаты подают жалобы в суд, врачи назначают лекарства.

Никто из нас не да Винчи, рисующий «Мону Лизу» по утрам и проектирующий вертолеты по ночам. Так и должно быть.

Нет, гораздо большей проблемой является то, что мы *гордимся* своим незнанием. Американцы достигли того предела, когда незнание, особенно в том, что касается общественно-политических вопросов, является фактически достоинством. Отвергнуть мнение экспертов означает отстаивать свою независимость – способ американцев защитить свое все более ранимое самолюбие от возможных обвинений в том, что они чего-то не знают. Это новая Декларация независимости: мы теперь «считаем за очевидные истины» не только, что «все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права» и т. д., а любые мнения, даже заведомо неверные. Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому предмету так же хорошо, как любое другое.

Это не то же самое, что традиционная американская нелюбовь к интеллектуалам и всезнайкам. Я профессор, и я понимаю, что большинство людей не любят профессоров. Я начинал свою преподавательскую карьеру почти три десятилетия назад, когда работал в колледже недалеко от своего родного города. И время от времени я заезжал туда, чтобы проведать своих и зайти в маленькую закусочную, которой владел мой брат. Однажды вечером, после моего ухода один из посетителей обратился к моему брату с вопросом: «Он ведь профессор, да? В любом случае он кажется мне хорошим парнем». Если у вас такая же профессия, что и у меня, вы, должно быть, уже привыкли к этому.

Но вовсе не потому я взялся писать эту книгу. Интеллектуалы, которые выходят из себя из-за колких замечаний по поводу ненужности интеллектуалов, должны найти себе иной род занятий. Я работал преподавателем, советником по политическим вопросам, экспертом как в государственных, так и в частных организациях, выступал в качестве комментатора в различных средствах массовой информации. Я привык к тому, что люди бывают не согласны со мной. На самом деле, я приветствую это. Аргументированные, принципиальные споры – это признак интеллектуального здоровья и жизнеспособности демократического общества.

Скорее, при написании этой книги я руководствовался своей обеспокоенностью. Аргументированных и принципиальных споров больше не увидишь. В настоящее время уровень фундаментальных знаний среднестатистического американца так упал, что он пробил границу

«невежественного человека», прошел черту «неверно информированного», а теперь катится в сторону «агрессивно заблуждающегося». Люди не просто верят глупостям, они активно сопротивляются процессу познания и не хотят отказываться от своих неверных убеждений.

Мне не довелось жить в Средние века, поэтому я не могу сказать, что это беспрецедентное явление, но на моей памяти подобного не было.

Это вовсе не означает, что я впервые задумался над подобным вопросом. В конце 1980-х годов, когда я работал в Вашингтоне, я наблюдал, как в самом обыденном разговоре люди мгновенно начинают учить меня тому, что следует сделать в определенных сферах деятельности, особенно в тех, которыми я занимался – контроль над вооружениями и внешняя политика. (Как обычно, совет был замаскирован словечком «они», например, как во фразе «им давно следовало бы…») Я был молод, и еще не успел стать закаленным экспертом, но меня поразила манера, с которой люди, не имевшие ни малейшего представления об этих предметах, уверенно советовали мне, как наилучшим образом достичь мира между Москвой и Вашингтоном.

В какой-то степени это понятно. Политика предполагает дискуссию. Люди хотят быть услышанными. Особенно актуально это было в годы холодной войны, когда ставки были слишком высоки – мир находился на грани уничтожения. Я признавал, что это неизбежная цена, которую платят люди, занимающиеся публичной политикой. Со временем я обнаружил, что другие специалисты в различных политических областях сталкиваются с похожими проблемами, когда непрофессионалы вовлекают их в разного рода дискуссии о налогах, бюджете, иммиграционной политике, защите окружающей среды и многих других проблемах. Если вы эксперт в области политики, то это неотъемлемая часть вашей работы.

Впоследствии, однако, я начал слышать похожие истории от врачей. И от адвокатов. И от преподавателей. И, как оказалось, от многих других профессионалов, рекомендации которых оспаривать не принято. Эти истории удивили меня: вместо того чтобы задавать разумные вопросы, пациенты или клиенты настойчиво объясняли профессионалам, почему их совет ошибочен. В каждом случае сама мысль о том, что специалист знает, что он или она делает, отвергалась изначально.

Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому предмету так же хорошо, как любое другое.

Более того, сегодня меня особенно поражает не то, что люди отмахиваются от мнения экспертов, а то, что они делают это так часто, в самых разных ситуациях и с таким *гневом*. Возможно также, что нападки на экспертное знание стали более заметны из-за вездесущего Интернета, неупорядоченной природы обсуждения в социальных сетях или поступления новостей круглосуточно.

Но в таком неприятии экспертного знания присутствует столь явная уверенность в собственной правоте и такое неистовство, что это свидетельствует – по крайней мере, на мой взгляд – что это не столько недоверие, вопрос или поиск альтернатив, сколько нарциссизм в сочетании с презрением к чужой компетентности, то есть своего рода попытка самоутверждения.

А это лишь усиливает давление на экспертов, и им все сложнее призывать к разуму людей. Каков бы ни был предмет обсуждения, возможность конструктивного спора всегда разбивается о возмущенное эго, и все остаются при своих мнениях. А иногда это негативно сказывается на профессиональных отношениях и даже дружбе. Сегодня вместо споров от экспертов ждут того, чтобы они принимали подобные возражения, как честное заявление об иной позиции по конкретному вопросу. Мы должны «соглашаться – не соглашаться» – фраза, которая в настоящее время используется без разбора, чтобы, в том числе, погасить пламя жаркой дискуссии. А если мы настаиваем на том, что не все является делом вкуса, что какие-то вещи верны, а какие-то нет – что ж, тогда мы просто ничтожества в их глазах.

Возможно, я просто являюсь примером изменений, происходящих от одного поколения к другому. Я рос в 1960–1970-х годах – в эпоху, когда экспертам, может быть, слишком доверяли. Это было опьяняющее время: Америка не только находилась на переднем крае науки, но и была бесспорным мировым лидером. Мои родители были грамотными, но не образованными людьми, которые, подобно большинству американцев, полагали, что люди, отправившие человека на Луну, вероятно, были правы и в отношении большинства других важных вопросов. Я воспитывался не в атмосфере бесспорного подчинения властям, но в целом моя семья была типична в том, что верила, что люди, специализирующиеся в самых разных сферах, от ортопедии до политики, знают, что они делают.

Как верно указывают критики экспертного знания, в те дни мы доверяли людям, которые не только отправили Нила Армстронга в точку посреди Моря Спокойствия, но и многих менее известных американцев в такие места, как Кхешань и долина Йа-Дранг во Вьетнаме.

Доверие общества к экспертам и политическим лидерам было не только потеряно, им злоупотребили.

Теперь, однако, мы движемся в другом направлении. У нас нет здорового скептицизма по отношению к экспертам: вместо этого мы активно возмущаемся ими. А большинство людей полагает, что эксперты неправы просто по факту того, что они эксперты. Мы освистываем «яйцеголовых» – бранное слово, вновь вошедшее в моду – когда учим наших врачей тому, какие лекарства нам нужны, или когда убеждаем учителей в том, что ответы наших детей в тестовом задании верны, даже если они допустили ошибки. Каждый из нас не только так же умен, как любой другой – мы все считаем, что мы самые умные люди на земле.

Вместо того чтобы задавать разумные вопросы, пациенты или клиенты настойчиво объясняли профессионалам, почему их совет ошибочен. В каждом случае сама мысль о том, что специалист знает, что он или она делает, отвергалась изначально.

И никогда еще мы не ошибались так сильно.

Я должен поблагодарить очень многих людей за помощь в создании этой книги, но еще больше тех, кто не хотел бы, чтобы его ассоциировали с теми взглядами и выводами, что представлены в этой книге.

Впервые я написал пост под названием «Гибель экспертного знания» (“The Death of Expertise”) для своего личного блога «Военная комната[1]» (“The War Room”) еще в 2013 году. Этот пост заметил Шон Дейвис из онлайн-журнала The Federalist. Он связался со мной и предложил сделать из этого текста статью. Я благодарен Шону и The Federalist за то, что разместили мой материал, где его вскоре прочитало свыше миллиона человек по всему миру. Позже статью увидел Дэвид Макбрайд и в свою очередь обратился ко мне с предложением создать на основе ее главного тезиса книгу. Благодаря его редакторскому опыту и советам мы смогли сделать эту дискуссию более масштабной. И я благодарен ему и издательству, а также всем анонимным рецензентам будущей книги за то, что данный проект воплотился в жизнь.

Мне посчастливилось поработать в Военно-морском колледже США, и многие из моих коллег по нему, включая Дэвида Бёрбаха, Дэвида Купера, Стива Нотта, Дерека Реверона и Пола Смита, помимо прочих, дали свои комментарии и материалы. Но мнения и выводы в этой книге только мои: они никоим образом не представляют взгляды любого другого учреждения или правительственного органа США.

Несколько моих друзей и партнеров по переписке, представители разных профессий, были достаточно любезны, согласившись оставить свои комментарии, прочитать главы книги или предоставить ответы на разного рода вопросы, что находятся вне сферы моей компетен-

[1] Образ позаимствован из фильма 1964 г. режиссера Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу». Вымышленный командный пункт, находящийся в бункере в Пентагоне. – *Прим. ред.*

ции, включая Эндрю Фачини, Рона Граньери, Тома Хенджвельда, Дэна Казету, Кевина Круза, Роба Мики, Линду Николс, Брендана Найхена, Уилла Сейлтена, Ларри Сейнджера, Джона Шиндлера, Джоша Шихена, Роберта Тробича, Майкла Уэйсса, Салену Зито и особенно Дэна Мерфи и Джоэла Энджела. Отдельную благодарность я хочу выразить Дэвиду Бекеру, Нику Гвоздеву и Полу Мидуре за их комментарии по нескольким черновикам рукописи.

Я весьма признателен Школе расширенного образования Гарвардского университета не только за возможность обсудить программу со студентами, но еще и за многочисленных превосходных ассистентов из числа студентов, которых школа предоставляет своему преподавательскому составу. Кейт Эйрлайн была бесценным ассистентом на этом проекте: она быстро и со знанием дела разбиралась даже с самыми необычными запросами. (Хотите знать, сколько точек быстрого питания открылось в Америке, начиная с 1959 года? Кейт может найти ответ на этот вопрос.) Но при этом любые фактические ошибки или неправильные толкования в данной книге мои и только мои.

Написание книги может быть удивительным и увлекательным опытом для автора, но не настолько приятным для окружающих его людей. Моя жена Линн и моя дочь Хоуп проявили максимум терпения, когда я работал над этой книгой, и я безмерно благодарен им за то, что терпели меня в этот период. Эту книгу я посвящаю им обеим, с любовью.

И, наконец, я должен поблагодарить тех людей, кто помогал мне в процессе написания моей книги, но кто по объективным причинам не хочет, чтобы их имена называли. Я благодарен многочисленным профессиональным медикам, журналистам, адвокатам, представителям системы образования, политическим аналитикам, ученым, научным сотрудникам, военным экспертам и другим, кто делился своим опытом и рассказами, вошедшими в эту книгу. Я бы не написал ее без них.

Я надеюсь, что в каком-то смысле эта книга поможет им и другим экспертам в их дальнейшей работе. Но в конечном итоге клиенты профессионалов из любых областей – это представители общества, в котором они живут. И поэтому я особенно надеюсь, что данная книга поможет моим соотечественникам лучше понимать и пользоваться услугами экспертов, от которых мы все зависим. Более того, я надеюсь, что эта работа внесет свой вклад в дело уничтожения раскола между экспертами и обычными людьми, который в будущем грозит не только благополучию миллионов американцев, но также ставит под угрозу выживание нашего демократического опыта.

Каждый из нас не только так же умен, как любой другой – мы все считаем, что мы самые умные люди на земле. И никогда еще мы не ошибались так сильно.

Вступление
Гибель экспертного знания

У нас существует культ невежества. Он был вместе с нами с самого основания этой страны. Подобно штамму вируса, невежество проникает во все уголки политической и культурной жизни, подпитываясь ложными заявлениями о равенстве знания и незнания. Люди часто говорят: «Мое невежество ничем не хуже вашего знания».
Айзек Азимов

В начале 1990-х годов маленькая группа ВИЧ-диссидентов, включая профессора Калифорнийского университета Питера Дюсберга, оспаривала единодушное мнение всего медицинского сообщества о том, что вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) является причиной возникновения СПИДа. Наука развивается благодаря таким неожиданным задачам. Но в подтверждение точки зрения Дюсберга не было найдено никаких доказательств, и в конечном итоге она оказалась безосновательной. Когда ученые обнаружили ВИЧ, врачи и медицинские работники смогли спасти бесчисленное количество жизней благодаря мерам, нацеленным на предотвращение его передачи.

Работа Дюсберга могла завершиться подобно другим причудливым теориям, развенчанным научными исследованиями. История науки изобилует подобными тупиковыми проектами. Но в данном случае дискредитированная идея привлекла внимание национального лидера, что привело к ужасным последствиям. Табо Мбеки, который был тогда президентом Южно-Африканской Республики, ухватился за идею о том, что СПИД вызывает не вирус, а другие факторы, такие как скудное питание и плохое здоровье. А потому он отказался от предложенных медицинских препаратов и других видов помощи для борьбы с ВИЧ-инфекцией в Южной Африке.

К середине 2000-х годов его правительство пошло на попятную, но решение Мбеки в итоге дорого обошлось стране: как подсчитали врачи из Гарвардской школы здравоохранения, погибло свыше трехсот тысяч человек, а около тридцати пяти тысяч родившихся детей были ВИЧ-инфицированы, что можно было предотвратить[1]. Мбеки по сей день уверен, что обладал тогда ценными сведениями.

Большинство американцев, возможно, лишь презрительно усмехнутся над подобным невежеством. Но на их месте я бы не был так уверен в своих собственных способностях. В 2014 году Washington Post провела опрос американцев относительно того, должны ли Соединенные Штаты прибегать к вооруженному вмешательству в связи с конфликтом между Россией и Украиной. Соединенные Штаты и Россия – бывшие противники в холодной войне, каждая из стран имеет в своем распоряжении сотни межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками. Военный конфликт в центре Европы, прямо на границе с Россией, таит опасность разжигания Третьей мировой войны, с катастрофическими последствиями. И при этом только один из шести американцев – и один из четырех выпускников колледжей – могли найти Украину на карте мира. Украина – самая большая страна, находящаяся целиком в Европе, но среднестатистический респондент все равно находится от нее на расстоянии целых 1800 миль.

Тест с картой легко провалить. Гораздо большее беспокойство вызывает тот факт, что отсутствие этих знаний не остановило респондентов в их стремлении высказать довольно острые взгляды на проблему. Я бы даже выразился точнее: публика не только высказывала свои острые мнения, степень поддержки военного вторжения в Украину была прямо пропорциональна степени невежества респондента относительно нее. Другими словами, люди, которые

считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения военной силы со стороны Соединенных Штатов[2].

Наступили опасные времена. Никогда еще так много людей не имело такого доступа к столь обширным знаниям, и при этом не выражало стойкое нежелание узнать что-то. В Соединенных Штатах и других развитых странах умные на первый взгляд люди недооценивают интеллектуальные достижения и отвергают советы экспертов.

Растет количество непрофессионалов, которым не хватает базовых знаний и которые к тому же отвергают очевидные факты и отказываются учиться рассуждать логически. Поступая так, они рискуют отмахнуться от многовековых накопленных знаний и подорвать те практики и привычки, благодаря которым мы получаем новую информацию и опыт.

И это не просто естественный скептицизм по отношению к экспертам. Боюсь, что сейчас мы наблюдаем процесс *обесценивания экспертного знания в любой области*; спровоцированное Google, Wikipedia и блогами стирание любых границ между профессионалами и дилетантами, студентами и преподавателями, знающими и просто любопытствующими – другими словами, между теми, кто достиг определенных успехов в какой-то конкретной области, и теми, кто этим похвастаться не может.

Нападки на традиционную систему знаний и последующий поток некачественной информации, льющийся в публичном пространстве, иногда вызывает удивление. А иногда даже забавляет. Комики из вечерних шоу создали свой маленький бизнес – задавать людям вопросы, обнаруживающие их невежество в отношении тех идей, которых они строго придерживаются, тягу к повальным увлечениям и нежелание признавать отсутствие всякого представления о текущих событиях. Наименее безобидна та ситуация, когда люди многозначительно говорят, например, что избегают продуктов с глютеном, а потом вынуждены признаться в том, что понятия не имеют, что такое глютен. И давайте уж говорить прямо: во все времена забавно наблюдать за тем, как люди уверенно высказывают свои поспешные мнения по поводу таких бредовых сценариев как, например, «является ли отсутствие Маргарет Тэтчер в долине Коачелья выгодным в плане принятия Северной Кореей решения запустить ракету».

Но когда на кону вопрос жизни и смерти, здесь точно не до смеха. Забавные ужимки таких «борцов с прививками», как актеры Джим Керри и Дженни Маккарти, бесспорно, обеспечивают высокий телевизионный рейтинг или приятное времяпрепровождение за чтением Twitter. Но когда они и другие несведущие знаменитости и публичные фигуры цепляются за выдумки и непроверенную информацию относительно опасности вакцинации, миллионы людей могут в одночасье подвергнуться серьезной опасности таких вполне предотвратимых недугов, как корь или коклюш.

Другими словами, люди, которые считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения военной силы со стороны Соединенных Штатов.

Подобный рост упрямого нежелания знать в разгар информационного века нельзя объяснить простым невежеством. Многие из тех, кто выступает против традиционной системы знаний, в своей будничной жизни – умелые и успешные люди. В каком-то смысле это еще *хуже*, чем незнание: это безосновательная самонадеянность, озлобленность растущей культуры нарциссизма, не способной пережить малейшего намека на любого рода неравенство.

Под «гибелью экспертного знания» я имею в виду не утрату фактической способности системно изучать вопросы, знания специфических вещей, которые отделяют одних людей от других в различных сферах деятельности. Врачи и дипломаты, адвокаты и инженеры, многие другие специалисты в разных областях будут всегда. Без них жизнь нашего мира остановится. Если мы получим травму или нас арестуют, мы обратимся к врачу или адвокату. Когда мы

путешествуем, то считаем само собой разумеющимся, что пилот знает, как работает самолет. Если мы попадем в беду за границей, то свяжемся с консулом, который, как мы считаем, знает, что нужно делать в данной ситуации.

Но это своего рода доверие экспертам, как техническим специалистам. В данном случае это не диалог между экспертами и обществом, а использование традиционных знаний как готового товара по мере необходимости, и только в желаемой степени. Зашейте мне рану на ноге, но не читайте лекций о моей диете. (Более двух третей американцев страдают от избыточного веса.) Помогите мне разобраться с налоговой проблемой, но не напоминайте мне, что я должен составить завещание. (Примерно половина американцев, у которых есть дети, не потрудились составить завещания.) Защищайте безопасность моей страны, но не морочьте мне голову расчетами затрат на ее поддержание. (Большинство американских граждан не имеет ни малейшего представления о том, сколько Соединенные Штаты тратят на содержание вооруженных сил.)

Все эти вопросы, от диеты до национальной безопасности, требуют диалога между гражданами и экспертами. Но, похоже, граждан все меньше интересует этот диалог. Они предпочитают верить, что обладают достаточной информацией, чтобы самостоятельно принять эти решения, при условии, что они вообще хотят их принимать.

С другой стороны, многие эксперты, и, в частности, из академических кругов, не проявляют желания вступать в контакт с публикой. Они прибегают к профессиональной лексике и предпочитают взаимодействовать только между собой. Тем временем люди, занимающие среднюю позицию, которых мы часто называем «публичными интеллектуалами» – хотелось бы думать, что я один из них – становятся такими же раздраженными и разочарованными, как и все остальное общество, разделенное на два лагеря.

Гибель экспертного знания – это не только отказ от традиционной системы знаний. Это, по сути дела, отказ от науки и беспристрастной рациональности, которые лежат в основе современной цивилизации. Это признак, как отметил однажды арт-критик Роберт Хьюз, описывая Америку двадцатого века, «государства, одержимого терапиями и исполненного недоверием к реальной политике», вечно «скептически настроенного к властям» и «являющегося жертвой предрассудков». Мы прошли полный цикл от древних времен, когда народная мудрость заполняла неизбежные провалы в человеческих знаниях, к периоду стремительного развития, основанного всецело на разделении труда и экспертных знаниях. И теперь мы живем в постиндустриальном, информационно ориентированном мире, где все граждане считают себя экспертами во всем.

Между тем любое экспертное суждение, высказанное реальным специалистом, вызывает взрыв гнева в определенных слоях американского общества, которые тут же начинают возмущаться, что подобные утверждения – не что иное, как ошибочные «призывы к властям», явное свидетельство «ужасной элитарности» и очевидная попытка использовать свой профессиональный опыт, чтобы задушить диалог, необходимый для «реальной» демократии. Американцы сейчас уверены в том, что обладание равными правами в политической системе также означает, что мнение каждого человека по любому вопросу должно считаться равнозначным любому другому. Это убеждение значительной части людей – хоть оно и откровенный вздор. Подобное невразумительное утверждение о равенстве всегда будет нелогичным, иногда забавным и зачастую опасным. В таком случае эта книга посвящена экспертному знанию. Или, если быть точнее, взаимоотношениям экспертов и граждан в демократическом обществе, и почему эти отношения рушатся, и что нам всем, гражданам и экспертам, следует делать в связи с этим.

Наименее безобидна та ситуация, когда люди многозначительно говорят, например, что избегают продуктов с глютеном, а потом вынуждены признаться в том, что понятия не имеют, что такое глютен.

Первая реакция большинства людей, когда они сталкиваются с проблемой гибели экспертного знания – обвинять во всем Интернет. Профессионалы в особенности склонны видеть в нем корень зла, когда они общаются с клиентами, которые считают, что знают все лучше. Как мы убедимся позднее, это не всегда неправильно, но такое объяснение слишком простое. Нападки на традиционную систему знаний имеют долгую историю, а Интернет – всего лишь новейший инструмент, воскрешающий старую проблему, которая в прошлом возникала вокруг радио, телевидения, печатного станка и других изобретений.

Так из-за чего весь шум? Что изменилось столь кардинально, что стало для меня причиной написания этой книги? Действительно ли мы наблюдаем процесс гибели экспертного знания, или это не более чем обычные жалобы интеллектуалов, которых никто не слушает, разве что учитывают их условный статус самых умных среди собравшихся? Может быть, это просто беспокойство, которое возникает среди профессионалов по поводу нездоровых тенденций, усиливающихся после каждого цикла социальных или технологических изменений. Или же это всего лишь типичное проявление возмущенного тщеславия чересчур образованных, причисляющих себя к интеллектуальной элите профессоров, вроде меня.

Это не диалог между экспертами и обществом, а использование традиционных знаний как готового товара по мере необходимости, и только в желаемой степени. Зашейте мне рану на ноге, но не читайте лекций о моей диете.

В самом деле, может, гибель экспертного знания – это признак прогресса? В конце концов, образованные профессионалы уже больше не обладают безраздельным господством над сферой знаний. Тайны жизни больше не спрятаны в гигантских мраморных мавзолеях, огромных библиотеках мира, чьи залы смущают даже тех сравнительно немногих людей, кто может их посещать. В подобных обстоятельствах в прошлом между экспертами и обычными людьми было меньше напряжения, но лишь потому, что граждане были просто не способны сколько-нибудь всерьез противостоять экспертам. Более того, во времена, предшествовавшие эпохе появления средств массовых коммуникаций, было мало возможностей для подобной дискуссии.

Участие в политической, интеллектуальной и научной жизни вплоть до начала двадцатого века было гораздо более ограниченным, и дебаты на тему науки, философии и публичной политики велись внутри маленького круга образованных мужчин, вооруженных перьями и чернилами.

И нельзя сказать, чтобы это были так называемые «старые добрые времена», события давно минувших дней. То время, когда большинство людей не заканчивали средней школы, когда лишь немногие поступали в колледж, и крохотная часть населения получала профессию, все еще живо в памяти многих американцев.

Всего за последние полвека социальные изменения окончательно разрушили старые расовые, классовые и иные барьеры не только между американцами в целом, но также и между необразованными гражданами и экспертами в частности. Более широкий круг обсуждения означал больший уровень знаний, но и большую степень социального взаимодействия. Всеобщее образование, неограниченные права для женщин и меньшинств, рост среднего класса и увеличившаяся социальная активность – все это привело маленькую группу экспертов и огромную массу граждан, которые почти два столетия до этого редко общались друг с другом, в непосредственное соприкосновение друг с другом.

Но при всем при этом уважения к знаниям не стало больше – напротив, усилилось необъяснимое убеждение, бытующее среди американцев, что каждый из них так же умен, как любой другой. А это – отрицание образования, цель которого приучить людей, вне зависимости от того, насколько они умны или способны, учиться всю оставшуюся жизнь. Но сейчас мы живем

в обществе, где приобретение даже самого малого знания является конечной, а не начальной точкой образования. И это опасная вещь.

Что впереди

В последующих главах я назову несколько источников данной проблемы. Часть из них обусловлена человеческой природой, какие-то характерны исключительно для Америки, а другие же – неизбежный продукт современной эпохи с ее изобилием.

В следующей главе мы обсудим понятие «эксперт» и то, является ли конфликт между экспертами и непрофессионалами таким уж новым. Что вообще означает быть экспертом?

Когда вам нужно принять непростое решение по вопросу, находящемуся вне вашего опыта или компетенции, к кому вы обратитесь за советом? (Если вы считаете, что вам не нужен ничей совет, то вы, скорее всего, один из тех людей, кто вдохновил меня на написание этой книги.)

Во второй главе я исследую, почему разговор в Америке стал таким утомительным процессом не только между экспертами и рядовыми гражданами, но и в целом. Если быть честными, то мы должны признать, что каждый из нас может быть дотошным и даже разгневанным, когда мы говорим о вещах, которые много значат для нас, особенно в том, что касается наших твердых убеждений и идей. Большинство препятствий в общении между экспертами и их клиентами заключены в изначальных человеческих слабостях. И в этой главе мы начнем с того, что изучим естественные барьеры, препятствующие лучшему пониманию друг друга. А уже затем более пристально рассмотрим конкретные проблемы начала двадцать первого века.

Мы все страдаем от такого рода проблем, как, например, склонности к подтверждению своей точки зрения – естественной тенденции соглашаться с теми фактами, которые подтверждают то, во что мы уже верим. У нас у всех есть свой личный опыт, свои предрассудки, страхи и даже фобии, которые не позволяют нам принять совет специалиста. Если мы верим, что определенное число приносит удачу, то ни один математик не разубедит нас в этом. Если мы убеждены в том, что летать опасно, то ни космонавт, ни пилот истребителя не сможет развеять наши страхи. И некоторые из нас, как бы неделикатно это ни прозвучало, недостаточно умны, чтобы понимать, когда мы ошибаемся, вне зависимости от того, какими намерениями мы руководствуемся. Так же, как не все одинаково способны правильно взять ноту или начертить прямую линию, многие люди просто не могут заметить пробелы в собственных знаниях или понять свою неспособность вести аргументированный спор.

Образование помогает нам осознать проблемы вроде указанной склонности и заполнить пробелы в наших знаниях, чтобы мы могли чувствовать себя увереннее и лучше. К сожалению, современная американская университетская система, и то, что студенты и их родители воспринимают ее, как заурядный предмет потребления, является в настоящее время частью проблемы.

В третьей главе мы обсудим, почему широкая доступность университетского образования – как это ни парадоксально – заставляет многих людей думать, что они стали умнее, когда на самом деле приобрели лишь иллюзорные знания, подкрепленные дипломом сомнительного достоинства. Когда студенты становятся ценными клиентами, вместо того чтобы быть учениками, у них сразу же повышается самооценка, но почти не прибавляется знаний. Хуже того, у них не развивается привычки к критическому мышлению, что позволило бы им продолжать учиться и оценивать разного рода сложные проблемы, которые им придется обдумывать и решать в качестве граждан своей страны.

Уважения к знаниям не стало больше – напротив, усилилось необъяснимое убеждение, бытующее среди американцев, что каждый из них так же умен, как любой другой. А это – отрицание образования,

цель которого приучить людей, вне зависимости от того, насколько они умны или способны, учиться всю оставшуюся жизнь.

Современная эпоха технологий и коммуникаций дает возможность совершить гигантские скачки в приобретении знаний, но при этом она потакает нашим слабостям и усиливает их. Хоть Интернет и не единственный, кто виноват в гибели экспертного знания, но он – одна из главных причин происходящего, по крайней мере, в двадцать первом веке. В четвертой главе я исследую, каким образом самый главный источник знаний в человеческой истории со времен Гутенберга стал практически основой для нападок на традиционную систему знаний. Интернет это богатейшее хранилище знаний, но в то же время – средство распространения повальной дезинформации. Интернет не только отупляет многих из нас, он делает нас более жестокими: сидя в одиночестве за клавиатурой, люди склонны больше спорить, чем обсуждать, и больше оскорблять, чем слушать.

В свободном обществе журналисты должны быть в числе самых важных судей в большой неразберихе между невежеством и образованностью. А что происходит, когда граждане требуют, чтобы их развлекали, а не информировали? Эти насущные вопросы мы обсудим в пятой главе.

Когда мы хотим получить информацию, то доверяем средствам массовой информации, которые отделят факты от вымысла и сделают сложные темы понятными для людей, не обладающих массой свободного времени и силами, чтобы отслеживать все тенденции в нашем активном мире. Однако в эпоху информационного века профессиональные журналисты сталкиваются с новыми проблемами. И это не только почти неограниченное, по сравнению с опытом пятидесятилетней давности, эфирное время и газетная площадь под новости. Потребители ждут, чтобы все это информационное пространство заполнялось мгновенно и обновлялось непрерывно.

В этой сверхконкурентной медийной среде у редакторов и продюсеров уже не хватает терпения – или финансовых возможностей – позволять журналистам расширять и наращивать свою профессиональную компетентность или углублять знания относительно конкретного предмета. И нет никаких признаков того, что большинству потребителей новостей необходимо подобное. Экспертов зачастую низводят до производителей кадров дня или «броских цитат» – если вообще консультируются с ними. И каждый, кто вовлечен в информационную индустрию, знает, что если эти эксперты недостаточно симпатичны, или презентабельны, или способны развлекать публику, то переменчивая зрительская аудитория найдет менее утомительную альтернативу, просто кликнув мышкой или нажав кнопку телевизионного пульта.

Эксперты не непогрешимы. Они уже совершали ужасные ошибки с катастрофическими последствиями. Защищать экспертов в современной Америке означает неминуемо выслушивать бесконечный список этих катастроф и ошибок: талидомид, Вьетнам, «Челленджер», предупреждения о губительности привычки потреблять в пищу яйца. (Можете спокойно ими наслаждаться. Из списка вредных продуктов их исключили.) Эксперты, вполне понятно, возражают на это: делать подобные заявления равносильно тому, как если бы мы помнили одну-единственную авиакатастрофу и игнорировали миллиарды миль безаварийных перелетов. Возможно, они правы, но иногда самолеты *действительно* падают, и некоторые авиакатастрофы происходят из-за ошибок экспертов.

В шестой главе мы рассмотрим, что происходит, когда эксперты оказываются неправы. Причины могут быть разными – от откровенного мошенничества до продиктованной благими намерениями, но заносчивой уверенности в собственных способностях. И иногда, подобно другим людям, они просто ошибаются. Однако обычным людям важно понимать, как и почему эксперты могут оказаться неправы. Не только для того, чтобы помочь гражданам более эффективно пользоваться услугами экспертов, но и для того, чтобы объяснить, как эксперты контролируют друг друга, и какие меры принимают, чтобы исключить некомпетентность. В про-

тивном случае ошибки экспертов становятся почвой для споров, где обе стороны исходят из неверной или непроверенной информации, а результатом является одновременно раздражение экспертов от того, что их профессиональная компетентность ставится под сомнение, и полная уверенность публики, что эксперты не имеют представления, что делают.

И, наконец, в заключение мы обсудим самый опасный аспект гибели экспертного знания: как это подрывает американскую демократию. Соединенные Штаты – это республика, в которой люди уполномочивают других принимать решения от их имени. Эти избранные представители не могут справляться со всеми вопросами и обращаются за помощью к экспертам и профессионалам. В противоположность мнению большинства людей, эксперты и политики – это разные люди. И если смешивать тех и других, как это часто делают американцы, то стирается доверие между экспертами, гражданами и политическими лидерами.

Если мы верим, что определенное число приносит удачу, то ни один математик не разубедит нас в этом. Если мы убеждены в том, что летать опасно, то ни космонавт, ни пилот истребителя не сможет развеять наши страхи.

Эксперты советуют. Избранные лидеры принимают решения. Чтобы судить о работе экспертов и оценивать решения и мнения их представителей, обычные люди должны поближе познакомиться с подобными вопросами. Это вовсе не означает, что каждый американец должен глубоко погрузиться в политику. Но если граждане не проявляют желания приобрести базовую грамотность в вопросах, которые влияют на их жизнь, они тем самым сознательно отказываются контролировать эти проблемы, нравится им это или нет. А когда избиратели теряют контроль над такими важными решениями, существует риск, что их демократия падет жертвой невежественных демагогов, или же будет происходить более спокойный и постепенный процесс скатывания их демократических институтов к авторитарной технократии.

Эксперты также облечены одной важной обязанностью в демократическом обществе, которую они в последние десятилетия исполняют все неохотней. Если когда-то публичные интеллектуалы (часто в тандеме с журналистами) стремились сделать важные темы понятными для обычных людей, то сейчас образованные элиты все больше предпочитают общаться исключительно друг с другом. Рядовые граждане, само собой, лишь усиливают эту скрытность, *споря* вместо того, чтобы *задавать вопросы* – важное различие – но это не освобождает экспертов от их долга служить обществу и относиться к своим соотечественникам, как к своим клиентам, а не как к раздражающему фактору.

Интернет это богатейшее хранилище знаний, но в то же время – средство распространения повальной дезинформации. Интернет не только отупляет многих из нас, он делает нас более жестокими: сидя в одиночестве за клавиатурой, люди склонны больше спорить, чем обсуждать, и больше оскорблять, чем слушать.

Эксперты обязаны просвещать. Избиратели обязаны учиться. В конечном итоге, вне зависимости от того, сколько и каких советов дадут профессионалы, только общество способно определить важные направления политики страны.

Только избиратели могут определиться в тех вопросах, которые повлияют на жизнь их семей и страны, и только они несут главную ответственность за эти решения.

Но эксперты должны помогать им. Именно поэтому я написал данную книгу.

Эксперты обязаны просвещать. Избиратели обязаны учиться. В конечном итоге, вне зависимости от того, сколько и каких советов дадут профессионалы, только общество способно определить важные направления политики страны.

1
Эксперты и дилетанты

ВАШИНГТОН – Разочарованно ссылаясь на то, что долгие годы их слова неверно истолковывали, подавали или просто игнорировали, самые передовые американские эксперты в каждой области коллективно сложили с себя полномочия.
The Onion[2]

Нация любителей объяснять

Мы все сталкивались с ними. Они есть среди наших коллег, друзей, членов семьи. Они молодые и пожилые, богатые и бедные, кто-то с высшим образованием, а кто-то только с ноутбуком и библиотечной карточкой. Но всех их объединяет одно: они дилетанты, которые уверены в том, что на самом деле являются кладезями знаний. Убежденные в том, что информированы лучше экспертов и обладают более широкими знаниями, чем профессора учебных заведений, а также более проницательны и мудры, чем легковерные массы, они с радостью готовы просветить всех остальных относительно всего – от истории империализма до опасностей вакцинации.

Мы соглашаемся и миримся с такими людьми не в последнюю очередь потому, что прекрасно знаем, что, как правило, у них добрые намерения. Мы даже в какой-то степени испытываем к ним привязанность. Телевизионный сериал 1980-х годов «Веселая компания» (“Cheers”) обессмертил персонажа Клиффа Клейвина, всезнающего почтальона и завсегдатая баров из Бостона. Клифф, подобно своим реальным прототипам, предварял любое утверждение фразой «исследования показали» или «это общеизвестный факт».

Зрители обожали Клиффа, потому что каждому был знаком подобный тип: эксцентричный дядюшка за праздничным семейным обедом, юный студент, приехавший домой на каникулы после важного для него первого года обучения в колледже.

Иногда мы находим подобных людей очаровательными, потому что они были причудливыми исключениями в той стране, что когда-то уважала и доверяла мнениям экспертов. Но за последние несколько десятилетий что-то изменилось. В публичном пространстве все больше и больше доминирует произвольно формирующаяся группа плохо информированных людей, многие из которых самоучки, пренебрежительно относящиеся к традиционному образованию и презирающие любой профессиональный опыт. «Если опыт необходим, чтобы быть президентом», – написал в своем Twitter писатель и карикатурист Скотт Адамс в ходе избирательной кампании 2016 года, «назовите мне ту политическую тему, которую я не смогу освоить за один час при помощи лучших экспертов». Как будто дискуссия с экспертом – это копирование информации с одного компьютера на другой. Мы наблюдаем сейчас, как усиливается закономерность, подобная известному в экономике закону Грешема: он гласит, что «худшие деньги вытесняют из обращения лучшие», а мы живем в эпоху, когда ложная информация вытесняет знания.

Мы наблюдаем сейчас, как усиливается закономерность, подобная известному в экономике закону Грешема: он гласит, что

[2] Американское агентство сатирических новостей, в русском переводе «Луковица». – *Прим. ред.*

«худшие деньги вытесняют из обращения лучшие», а мы живем в эпоху, когда ложная информация вытесняет знания.

И это очень плохая тенденция. Современное общество не может функционировать без социального разделения труда и доверия к экспертам, профессионалам и интеллектуалам. (Пока я буду использовать эти три термина, как взаимозаменяемые.) Ни один человек не может быть экспертом во всем. Какими бы ни были наши стремления, мы объективно ограничены временными рамками и, бесспорно, нашими способностями. Мы успешны благодаря существующей профессиональной специализации, а также благодаря тому, что развиваем формальные и неформальные механизмы и практики, позволяющие нам доверять друг другу в других узких сферах деятельности.

В начале 1970-х годов писатель-фантаст Роберт Хайнлайн сказал, и это его изречение впоследствии часто цитировали, что «специализация – удел насекомых». По-настоящему способные люди, писал он, должны уметь делать все, от смены подгузника до управления военным кораблем. Это благородная мысль, которая прославляет человеческую приспособляемость и жизнестойкость, но она ошибочна. Были времена, когда каждый поселенец сам валил лес и сооружал свой дом. Это было не только малопроизводительно, но и позволяло построить только самое примитивное жилье.

Подобный обычай отошел в прошлое не без причины. Когда мы строим небоскребы, мы не ждем, что металлург, определяющий состав стали для балок каркаса, архитектор, который проектирует здание, и стекольщик, который устанавливает окна, окажутся одним и тем же человеком. Поэтому мы можем насладиться видом на город, открывающимся со стоэтажного здания: каждый специалист, пусть он и владеет дополнительными, пересекающимися знаниями, уважает профессиональные способности многих других специалистов и концентрируется на выполнении того, что он или она знает лучше всего. Их взаимное доверие и сотрудничество позволяет получить гораздо лучший конечный продукт, чем если бы они производили его в одиночку.

Самое главное заключается в том, что мы способны действовать эффективно, только признавая границы своих знаний и доверяя профессионализму других. Зачастую мы противимся этому выводу, потому что он подтачивает наше чувство независимости и автономии. Мы хотим верить, что мы способны принимать любые решения, и раздражаемся на тех, кто поправляет нас или говорит, что мы ошибаемся, или учит нас тем вещам, которые мы не понимаем. Эта естественная человеческая реакция, встречающаяся у некоторых, опасна, когда становится распространенным явлением среди целых сообществ.

Новое ли это явление?

Подвержены ли знания большей опасности, и действительно ли в настоящее время гораздо труднее вести разговор и обсуждение, чем пятьдесят или сто лет назад? Интеллектуалы всегда жалуются на дремучесть своих соотечественников, а обычные люди всегда не доверяли умникам и экспертам. Насколько нова эта проблема и насколько серьезно нам следует относиться к ней?

Самое главное заключается в том, что мы способны действовать эффективно, только признавая границы своих знаний и доверяя профессионализму других.

Зачастую подобный конфликт в публичном пространстве – это всего лишь предсказуемый шум, усиленный Интернетом и социальными сетями. Интернет накапливает неважные факты и незрелые идеи, а потом распространяет эту скверного качества информацию и неубедительную аргументацию по всему виртуальному миру.

(Представьте себе, что происходило бы в 1920-е годы, если бы у каждого чудака в каждом маленьком городке была бы своя радиостанция?) Нельзя сказать, что люди стали откровенно глупее или меньше хотят слушать экспертов, чем сотню лет назад: просто сейчас каждого из этих людей стало слышно.

Кроме того, определенное противостояние между теми, кто знает одни вещи, и теми, кто знает другие, неизбежно. Вероятно, в каменном веке между первыми охотниками и собирателями тоже возникали споры относительно того, что у них будет на ужин. По мере того как различные сферы человеческих достижений становились вотчиной профессионалов, разногласия росли и становились острее. И так как пропасть между экспертами и рядовыми гражданами увеличивалась, увеличивался также социальный разрыв и степень недоверия между ними. Во всех обществах, вне зависимости от уровня их развития, существует подспудная неприязнь к образованным элитам, так же как стойкая культурная приверженность народной мудрости, городским легендам и другим иррациональным, но нормальным человеческим реакциям на сложность и неразбериху современной жизни.

Демократии, с их шумными публичными пространствами, всегда были склонны ставить под сомнение традиционную систему знаний. На самом деле им больше свойственно подвергать сомнению любые традиционные вещи: это одно из свойств, которое делает их «демократическими». Даже в Древнем мире демократии славились своим пристрастием к переменам и прогрессу. Фукидид описывал афинян-демократов пятого века до н. э., как неутомимых людей, «постоянно что-то изобретающих». А столетия спустя святой Павел обнаружил, что «афиняне (…) ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое[3]». Подобное неустанное подвергание сомнению господствующих догм приветствуется и отстаивается в любой демократической культуре.

Соединенные Штаты, с их пристальным вниманием к свободам индивидуума, оказывают еще большее сопротивление интеллектуальной власти, по сравнению с другими демократиями. Конечно же, ни одна дискуссия на тему «что думают американцы» не будет полной без обязательного упоминания Алексиса де Токвиля, французского историка и политика, который в 1835 году отмечал, что обитатели новообразованных Соединенных Штатов не особо благоволят к экспертам с их заумными речами.

«В большинстве случаев, – писал он, – при решении любой проблемы каждый американец предпринимает попытку разобраться в ней самостоятельно». Корни подобного недоверия

[3] Деян 17, 21. – *Прим. ред.*

к интеллектуальным авторитетам, рассуждал Токвиль, в самой природе американской демократии. Когда «граждане, которые находятся в равном статусе, имеют возможность наблюдать друг за другом вблизи», писал он, «они постоянно обращаются к собственному здравому смыслу, как к наиболее очевидному и близкому источнику истины. И это не столько вопрос потери доверия к тому или иному человеку, сколько нежелание полагаться на какой бы то ни было авторитет».

Подобные наблюдения не ограничивались Америкой эпохи ее становления. Учителя, эксперты и интеллектуалы высказывались об отсутствии к ним уважительного отношения со стороны сограждан еще с тех времен, когда Сократ был вынужден выпить свою чашу с цикутой. В более современную эпоху, в 1930 году, испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет открыто осуждал «восстание масс» и необоснованную интеллектуальную заносчивость, свойственную им:

> «Так, в интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет.
>
> Быть может, я ошибаюсь, но писатель, который берет перо, чтобы писать на тему, которую он долго и основательно изучал, знает, что его рядовой читатель, ничего в этой теме не смыслящий, будет читать его статью не с тем, чтобы почерпнуть из нее что-нибудь, а с тем, чтобы сурово осудить писателя, если он говорит не то, чем набита голова читателя»[3].

Словами, которые звучат вполне к месту и сегодня, Ортега-и-Гассет объяснял растущую активность все более сильной, но при этом и все более невежественной массы многими факторами, включая материальную обеспеченность, благосостояние и научные достижения.

Американская приверженность интеллектуальной самодостаточности, описанная Токвилем, сохранялась еще на протяжении почти целого столетия, прежде чем пала под натиском критических нападок как извне, так и изнутри. Технологии, всеобщее среднее образование, стремительное распространение специализированной информации и выход Соединенных Штатов на мировую арену в качестве мировой супердержавы в середине двадцатого столетия – все это подорвало идею – или, если быть точнее, миф – о том, что среднестатистический американец хорошо подготовлен к непростым реалиям современной жизни и к решению проблем в масштабе страны.

Больше полувека назад политолог Ричард Хофштадтер писал, что «все более усложняющаяся жизнь современного человека неуклонно сводила на нет многие функции, которые обычные люди могут компетентно выполнить сами».

> «Изначально в американском обществе широко укоренилось популистское представление о том, что каждый американец способен компетентно разобраться в любом вопросе: например, без особой подготовки заниматься любой профессией или работать в правительственных органах.
>
> Непомерная сложность жизни порождала чувство бессилия и гнева среди населения, которое все больше убеждалось в том, что оно во власти более умных представителей элиты.
>
> Сегодня человек знает, что он не сможет приготовить себе даже завтрака без специальных приборов – более или менее диковинных для него – которые предоставили ему эксперты. И когда он садится завтракать и раскрывает утреннюю газету, он узнает о целом ряде проблем и признает, если он честен сам с собой, что ему не хватает компетенции, чтобы судить о большинстве из них»[4].

Хофштадтер настаивал на том – и это происходило в 1963 году – что эта непомерная сложность жизни порождала чувство бессилия и гнева среди населения, которое все больше убеждалось в том, что оно во власти более умных представителей элиты. «То, что когда-то было забавной и обычно безобидной насмешкой над интеллектом и традиционным знанием, превратилось в злобную неприязнь к способностям интеллектуала, как эксперта», – предупреждал Хофштадтер.

«Когда-то интеллектуала по-доброму высмеивали, потому что в нем не нуждались; теперь же в его адрес высказывается бурное возмущение, потому что в нем слишком сильно нуждаются».

Пятьдесят лет спустя профессор права Илья Сомин красноречиво описывал, как мало изменилась ситуация. Вслед за Хофштадтером, в 2015 году Сомин писал, что «размер и сложный состав правительства заметно затрудняет избирателям с ограниченными знаниями возможность отслеживать и оценивать большинство действий правительства. В результате мы имеем государство, в котором люди зачастую не могут осуществить свою верховную власть ответственно и эффективно». Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что американцы не сделали почти ничего в те промежуточные десятилетия, чтобы преодолеть разрыв между уровнем своих собственных знаний и той степенью информированности, которая требуется, чтобы быть полноценным членом развитого демократического общества. «Низкий уровень политических знаний среди американского электората, – осторожно замечает Сомин, – до сих пор является одним из самых заметных открытий в социологии»[5].

Проблема не нова. А проблема ли это?

Люди, которые специализируются в определенных областях, склонны думать, что другие должны проявлять такой же интерес к данному предмету, как и они. Но в действительности, кому *нужно* знать все эти вещи? У большинства экспертов по международным делам возникли бы трудности с прохождением теста с картой, если бы заданный вопрос не касался области их специализации. Так какой вред от того, что среднестатистический человек понятия не имеет, как найти на карте Казахстан? В конце концов, когда в 1994 году в Руанде произошло массовое убийство тутси, будущий госсекретарь Уоррен Кристофер попросил, чтобы ему показали эту страну на карте. Так почему все остальные должны держать в голове подобные факты?

Ни один человек не способен освоить такое количество информации. Мы стараемся сделать все возможное, когда нам нужно выяснить что-то, и обращаемся в этих случаях к самым лучшим источникам, которые способны найти. Помню, как я спросил своего учителя химии (человека, который, я был уверен, знал все), каково атомное число определенного элемента – частично, чтобы проверить его, но главным образом потому, что мне было лень искать его самому.

Он вопросительно поднял бровь и ответил, что не знает. А потом махнул в сторону висевшей у него за спиной периодической таблицы элементов и сказал: «Вот почему ученые пользуются таблицами, Том».

Конечно, отчасти жалобы экспертов на непрофессионалов несправедливы. Даже самый заботливый родитель, самый информированный покупатель и самый сознательный избиратель не способны справиться с потоком информации обо всем, от детского питания и безопасности продукта до торговой политики. Если бы обычные люди могли впитать всю эту информацию, им не нужна была бы помощь экспертов.

Однако гибель экспертного знания – это проблема иного плана, чем просто исторический факт, свидетельствующий о низком уровне информированности рядовых граждан. Вопрос не в безразличном отношении к традиционным знаниям; проблема в возникновении заметной *враждебности* к подобным знаниям. Это новое явление в американской культуре, представляющее собой агрессивное вытеснение экспертных суждений или традиционных знаний и замена их твердым убеждением, что каждое мнение по любому вопросу так же хорошо, как любое другое. Это заметная перемена в нашей публичной риторике.

Подобная перемена не только беспрецедентна, но и опасна. Недоверие к экспертам и общие антиинтеллектуальные настроения – это те проблемы, которые должны постепенно исчезать, но вместо этого лишь усугубляются. Когда профессор Сомин и другие люди отмечают, что невежество широкой публики ничуть не хуже, чем это было полвека назад, такое утверждение само по себе должно вызывать тревогу, если не панику. Оставлять все в подвешенном состоянии не вполне правильно. На самом деле, ситуация, возможно, уже и вовсе находится в критическом состоянии: гибель экспертного знания, утрата уважения к нему фактически грозят *полностью изменить* накопленные многовековые знания стараниями тех людей, которые сейчас полагают, что знают больше, чем это есть на самом деле. Возникает угроза материальному и общественному благополучию граждан в демократическом обществе.

В связи с этим было бы легко объяснить недоверие к традиционной системе знаний стереотипным мышлением недоверчивого и плохо образованного крестьянина, отвергающего стиль городских умников.

Но в реальности все гораздо более тревожно: кампании против традиционной системы знаний ведутся людьми, от которых этого трудно ожидать.

В случае с вакцинами, например, низкий уровень участия в программах вакцинации детей наблюдается вовсе не в маленьких городках, среди матерей с невысоким уровнем образования, как это может показаться. Эти матери вынуждены соглашаться с прохождением вакцинации их детей из-за требований, предъявляемых им в средних школах. Как оказалось, больше всего сопротивляются вакцинации те родители, что относятся к образованным жителям округа Марин вблизи Сан-Франциско. Несмотря на то что эти мамы и папы не являются врачами, они, тем не менее, достаточно образованы, чтобы считать себя вправе противостоять традиционной медицине. Таким образом, как это ни парадоксально, образованные родители фактически принимают худшие решения по сравнению с гораздо менее образованными родителями, подвергая риску всех детей.

> **Даже самый заботливый родитель, самый информированный покупатель и самый сознательный избиратель не способны справиться с потоком информации обо всем, от детского питания и безопасности продукта до торговой политики.**

На самом деле невежество стало модным. А некоторые американцы демонстрируют свой отказ от услуг экспертов, как знак культурной искушенности. Вспомните, например, движение в поддержку сырого молока, поветрие среди гурманов, отстаивавших право потреблять необработанные молочные продукты. В 2012 году журнал New Yorker писал об этом, отмечая, что «сырое молоко определенным образом разжигает гедонизм любителей поесть».

> «В силу того, что молоко не нагревается или не гомогенизируется, а зачастую попадает на прилавки прямо «из-под коров», оно, как правило, жирнее и слаще, а иногда содержит аромат фермы – слегка смущающий запах, известный знатокам, как «запах коровы». «Процесс пастеризации делает вкус проще, снижает аромат», – отмечает Дэниел Паттерсон, шеф-повар ресторана “Coi” в Сан-Франциско, удостоенного двух мишленовских звезд. Он использует сырое молоко для приготовления заварного крема и мороженого без яиц[6].

Паттерсон – повар-эксперт, и никто не будет спорить с его или чьими-либо еще вкусовыми пристрастиями. И хотя процесс пастеризации может повлиять на вкус молока, он убивает болезнетворные организмы, которые опасны для человека.

Движение в поддержку сырого молока – это не какая-то причуда, вдохновленная странными шеф-поварами. Сторонники этого движения убеждены в том, что не прошедшие обработку молочные продукты не только вкуснее, но и полезнее для человека. В конце концов, если сырые овощи лучше, так почему не есть в сыром виде все остальные продукты? Почему не есть то, что природа создала для нас в первозданном виде, и не вернуться к более чистой и простой жизни?

Возможно, в прошлом жизнь и была проще, но в те же времена люди буднично умирали от болезней, передающихся с пищей. И все же это свободная страна. И если полностью информированные взрослые гурманы хотят рискнуть своим здоровьем, отправившись на больничную койку ради аромата коровы в своем кофе, то это их личный выбор. Я не из тех, кто будет слишком грубо осуждать подобное поведение, потому что в число моих любимых блюд входят сырые устрицы и сырое рубленое мясо с приправами – те блюда предупреждения, о которых в ресторанном меню всегда заставляют меня чувствовать себя так, словно я заказал контрабанду. И все же, несмотря на то, что сырое мясо и сырые морепродукты таят опасность, они не являются каждодневными продуктами питания, и уж точно не предназначены для детей, для которых сырое молоко совершенно противопоказано.

Центры по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) сразу же попытались вмешаться, но безуспешно. В 2012 году они опубликовали доклад, в котором отмечалось,

что при употреблении продуктов из молока, не подвергнутого пастеризации, риск заразиться пищевыми инфекциями возрастает в 150 раз. Эксперт из Управления по санитарному надзору за качеством продуктов и медикаментов США (FDA) выразился максимально откровенно, назвав потребление сырых молочных продуктов эквивалентом русской рулетки. Но никакие увещевания не поколебали уверенности людей, которые не только продолжают есть необработанные продукты, но настаивают на том, чтобы давать их потребителям, у которых нет выбора или способности разобраться в данном споре: своим детям.

Зачем слушать предостережения врачей относительно сырого молока? В конце концов, они ошибались в других вещах. Так, например, когда речь заходит о еде, то можно вспомнить о том, что американцам на протяжении десятилетий советовали ограничить потребление яиц и определенных видов жиров. Правительственные эксперты рекомендовали населению ограничить потребление красного мяса, увеличить долю круп в своем рационе и в целом остерегаться всего вкусного. (Это последнее утверждение, должен признаться, – моя интерпретация их советов.)

Впоследствии выяснилось, что яйца не только безвредны, но могут быть даже полезны. Маргарин, оказывается, вреднее масла. И может быть, несколько бокалов вина в день лучше, чем ни капли.

Итак, мы пришли к выводу: врачи ошибались. Так значит, можно достать чизбургеры с беконом и налить себе еще бокал мартини?

Не совсем. Спор по поводу яиц еще не закончен, но сконцентрироваться на одном аспекте питания американцев означает упустить суть. Возможно, врачи и ошибались именно по поводу влияния яиц на человеческий организм, но они правы в том, что регулярное питание фастфудом в сочетании со сладкой газировкой и несколькими банками пива не пойдет вам на пользу. Некоторые ребята ухватились за новую информацию о пользе яиц (точно так же, как они среагировали ранее на выдумку с шоколадом, который якобы является полезным перекусом), чтобы логически обосновать свое намерение *никогда* не слушать врачей. Но если сравнить врача со средним американцем, страдающим избыточным весом, то у врача определенно окажется больше практического опыта в вопросе продления жизни с помощью здорового питания.

Корень всех этих проблем – в неспособности дилетантов понять, что периодические ошибки экспертов в определенных вопросах – это не то же самое, что систематические ошибки во всем. Главное заключается в том, что эксперты чаще бывают правы, особенно когда дело касается ключевых вопросов. Но при этом народ постоянно ищет просчеты в знаниях экспертов, которые бы позволили им не принимать во внимание те советы профессионалов, которые им не нравятся.

Частично это объясняется тем, что человеку – как мы убедимся позднее – свойственно искать эти просчеты во всем. Но не менее, а, быть может, более важно то, что, когда эксперты и профессионалы ошибаются, последствия могут быть катастрофичны. Начните, например, обсуждать тему профессионализма медиков, и наверняка услышите, как кто-то упомянет слово «талидомид», словно это исчерпывающий аргумент. Прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как стали использовать этот препарат, считавшийся когда-то безопасным успокоительным средством, которое назначали беременным женщинам. В то время никто еще не понимал, что талидомид также вызывает серьезнейшие пороки развития плода. Образы детей с отсутствующими или деформированными конечностями еще спустя долгие годы преследовали многих людей.

Название препарата вплоть до настоящего времени является синонимом провала экспертов.

Однако никто не спорит с тем, что эксперты не могут быть не правы (мы обсудим эту тему позднее). Правильнее было бы сказать, что они с меньшей вероятностью ошибутся по сравнению с теми, кто не является экспертом. Те самые люди, которые с тревогой напоминают

о катастрофе с талидомидом, буднично заглатывают десятки лекарств, от аспирина до антигистаминных препаратов, которые стоят в одном списке со многими тысячами безопасных лекарственных средств, проверенных экспертами в течение многих десятилетий. Этим скептикам редко приходит на ум, что на каждую ужасную ошибку приходится бесчисленное количество успешных действий, которые продлевают им жизнь.

Иногда сомнение в правильности рекомендаций экспертов может превратиться в навязчивую идею с трагическими последствиями. В 2015 году у бухгалтера из Массачусетса Стивена Пассери умерла семидесятивосьмилетняя мать, страдавшая от сердечно-сосудистого заболевания. Миссис Пассери долго болела, у нее также была эмфизема, и умерла она после операции по замене сердечного клапана. Но Пассери был убежден в том, один из докторов его матери, Майкл Дэвидсон – директор отделения эндоваскулярной хирургии в лучшем госпитале Бостона и профессор Гарвардской медицинской школы – проигнорировал его предупреждения об определенном препарате, который давали его матери. Бухгалтер пришел в госпиталь и застрелил доктора. Затем он убил себя, но прежде оставил на видном месте флеш-накопитель с «исследованием», которое он провел по этому препарату.

Очевидно, что Стивен Пассери был психически нездоровым человеком, лишившимся рассудка после смерти матери. Но, побеседовав накоротке с профессионалами из любой области, услышишь похожие, пусть и менее драматичные истории. Врачи привычно спорят с пациентами по поводу лекарств. Адвокаты описывают клиентов, потерявших деньги, а иногда свободу из-за проигнорированного совета. Учителя рассказывают о родителях, настаивающих на том, что экзаменационные ответы их детей правильны, даже когда они однозначно ошибочны.

Риелторы вспоминают клиентов, которые покупали дома вопреки их профессиональным советам и в итоге выбрасывали деньги на ветер.

Ни одна сфера американской жизни не защищена от утраты доверия к экспертному знанию. Возникновение многочисленных проблем со здоровьем, от лишнего веса до детских болезней, возможно, является следствием ухудшения способностей американцев в научных дисциплинах, в том числе в математике. Тем временем в сфере государственной и общественной политики – где, по крайней мере, некоторые знания в области истории, гражданского права и географии являются необходимыми для аргументированных дебатов – нападки на традиционную систему знаний достигли пугающих масштабов.

Корень всех этих проблем – в неспособности дилетантов понять, что периодические ошибки экспертов в определенных вопросах – это не то же самое, что систематические ошибки во всем. Главное заключается в том, что эксперты чаще бывают правы, особенно когда дело касается ключевых вопросов.

Время недостаточно информированных избирателей

Политические дебаты и осуществление публичной политики это не наука, а, скорее, противостояние. Иногда они проходят уважительно, но чаще напоминают хоккейный матч, где нет судей, а зрителям разрешают выскочить на лед. В современной Америке политические дебаты все больше похожи на бои между группами плохо информированных людей, которые умудряются ошибаться одновременно. Те политические лидеры, которые оказываются умнее публики (и, похоже, в последнее время таких становится все меньше), ввязываются в эти публичные конфликты и возражают своим избирателям, идя на определенный риск.

Существует масса примеров подобных конфликтов среди тех, кого приглашенные эксперты и аналитики осторожно называют «недостаточно информированными избирателями». Но о чем бы ни шла речь – о науке или политике – всех их отличает одно вызывающее тревогу свойство: эгоистичная и эмоциональная настойчивость в том, что к каждому мнению следует относиться как к истинному. Американцы уже больше не видят разницы между фразами «ты ошибаешься» и «ты глуп». Не соглашаться равносильно проявлению неуважения. Исправить другого значит оскорбить. А если ты отказываешься признать, что все точки зрения достойны рассмотрения, вне зависимости от того, насколько они фантастичны или безумны, значит ты зашоренный.

Повальное невежество людей, участвующих в публичных политических дебатах реально влияет на качество жизни и благосостояние каждого американца. Так, например, в 2009 году во время обсуждения реформы здравоохранения и защиты пациентов в США, по крайней мере, половина всех американцев верила утверждениям оппонентов, таких, как бывший кандидат от республиканцев на пост вице-президента, Сара Пэйлин, что законом будут предусмотрены специальные «комиссии смерти», которые будут решать, кто получит медицинское обслуживание или, иными словами, кто достоин жить. (Четыре года спустя примерно треть военных врачей, похоже, продолжали верить в это.)[7] Почти половина американцев также была убеждена в том, что этот закон утверждает единый правительственный план по здравоохранению. Но каким бы ни было отношение к программе, она не имеет ничего общего с подобными идеями. Спустя два года после принятия закона, по крайней мере, 40 процентов американцев не были даже уверены в том, что программа все еще действует.

Законодательство – сложная вещь, и, возможно, неразумно ждать от американцев, что они усвоят все детали закона, который их собственные представители, похоже, не способны понять. В 2011 году тогдашний спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси дрогнула под натиском абсолютно оправданных вопросов, и, не подумав, сделала часто цитируемое впоследствии признание, что Конгрессу придется принять закон, чтобы выяснить, что в нем. Другие сложные проекты вызывали похожее замешательство.

Налоги – это еще один хороший пример того, как невежество публики влияет на ход национальных дебатов. Все ненавидят налоги. Все жалуются на них. И каждую весну ужасающая сложность американского налогового кодекса порождает заметное беспокойство среди честных граждан, которые зачастую пытаются угадать, как правильно заполнить налоговую декларацию.

Однако самое печальное в том, что среднестатистический американец не имеет реального представления о том, как тратятся его деньги. Каждые выборы демонстрируют не только то, что американцы в целом считают, что правительство тратит слишком много и обкладывает их большими налогами, но и то, что они всякий раз ошибаются в том, кто платит налоги, сколько они платят, и куда уходят деньги.

И это происходит, хотя сейчас информация о бюджете Соединенных Штатов более доступна, чем в те дни, когда правительственным чиновникам приходилось отправлять по почте документ размером со шлакобетонный блок заинтересованным избирателям.

Или возьмем проблему помощи иностранным государствам – острую тему среди части населения Америки, которое с усмешкой называет ее выброшенными деньгами. Американцы в целом привыкли верить, что более 25 процентов национального бюджета щедро раздаривается в форме помощи другим странам. В реальности такое предположение не только ошибочно, но вопиюще неверно: помощь иностранным государствам составляет лишь малую долю бюджета, менее 0,75 процента всех расходов Соединенных Штатов Америки.

И лишь 5 процентов американцев знают об этом. Между тем один из десяти американцев убежден в том, что более *половины* американского бюджета – а именно, несколько триллионов долларов – ежегодно отдают другим странам[8]. Большинство считает, что вне зависимости от того, какова сумма, ее отдают буквально наличными. Это тоже неверно. На самом деле, помощь иностранным государствам можно даже квалифицировать как производственную программу, так как большая ее часть поставляется в виде определенной продукции, от пищевых продуктов до военных самолетов, которые правительство фактически покупает у американцев, а затем переправляет в другие страны.

Настаивать на том, что помощь иностранным государствам является пустой тратой денег – популярная политическая позиция. Я и другие эксперты можем сказать, что подобное безапелляционное заявление недальновидно, но, по крайней мере, это позиция, основанная на принципе, а не на ошибочном факте. А выступление против предоставления помощи из-за необоснованной веры в то, что она составляет четверть американского бюджета, сразу же подрывает на корню возможность любой здравой дискуссии.

Подобный уровень невежества может обойтись крайне дорого. Так, например, американцы склонны поддерживать проекты противоракетной обороны, частично потому, что многие из них верят, что Соединенные Штаты уже имеют подобные вооружения. (Этому заблуждению уже не один десяток лет, и возникло оно задолго до того, как США взяли на вооружение небольшое количество средств перехвата, которые сейчас установлены на Аляске.)

А будут ли подобные системы работать и нужно ли их строить, это сейчас по большей части несущественные вопросы. То, что в 1980-е годы, в период холодной войны, начиналось, как программа, направленная против Советского Союза, в настоящее время закрепилось в массовом сознании, и поддерживается одновременно республиканцами и демократами суммами в миллиарды долларов.

В целом проблема не в людях, которые испытывают искреннюю обеспокоенность по поводу возможных побочных эффектов вакцинации или высказывают несогласие с намерением руководства страны строить противоракетные комплексы. Разумный скептицизм важен не только для науки, но и для здоровой демократии. Вместо этого мы видим, что процесс утраты доверия к экспертному знанию больше напоминает приступ дурного настроения у всего населения, детский каприз и неподчинение авторитетам – в сочетании с твердой уверенностью, что раз и навсегда принятые мнения неотличимы от фактов.

Эксперты, по идее, должны прояснить подобную путаницу или, по крайней мере, служить проводниками в дебрях этой неразберихи. Но кто является реальными «экспертами»? Прежде чем мы перейдем к обсуждению источников возникновения кампании против традиционной системы знаний и причин, почему мы оказались в столь затруднительном положении в то время, когда граждане должны быть больше информированы и вовлечены в управление государством, чем прежде, нам следует задуматься над тем, как мы отделяем «экспертов» или «интеллектуалов» от остального населения.

«Эксперт» – это, конечно же, затертое до дыр определение: любая контора именует себя «экспертами по подрезке веток

и крон деревьев» или «экспертами по чистке ковров». И пусть определенный смысл в этом есть, все же есть разница между хирургом и специалистом по чистке ковров.

«Эксперт» – это, конечно же, затертое до дыр определение: любая контора именует себя «экспертами по подрезке веток и крон деревьев» или «экспертами по чистке ковров». И пусть определенный смысл в этом есть, все же есть разница между хирургом и специалистом по чистке ковров. Сейчас, как никогда прежде, слова «интеллектуальный» и «академический» стали в Америке словами нарицательными. Давайте разберемся в этом, прежде чем идти дальше.

Эксперты и обычные люди

Итак, кто же такой эксперт? Что составляет понятие «экспертного знания»?

Множество людей провозглашает себя экспертами или интеллектуалами – иногда так оно и есть. С другой стороны, самозванство иногда хуже, чем намеренное введение в заблуждение.

Люди, которые называют себя экспертами, иногда знают себя не лучше, чем люди, утверждающие, что они хорошо целуются.

И словари здесь мало чем помогут. Большинство людей дают довольно расплывчатое определение термину «эксперт»: для них это люди, обладающие «всесторонним» и «авторитетным» знанием. Но это лишь еще один способ описать людей, чье владение предметом означает, что информация, которую они предоставляют всем остальным, верна, и ей можно доверять. (А как нам узнать, что ей можно доверять? Потому что так нам говорят эксперты.) Как сказал однажды о порнографии судья Поттер Стюарт, экспертное знание – один из тех предметов, которые трудно определить, но легко понять, когда его видишь.

В мире множество разных экспертов. Некоторых легко определить: врачи, инженеры, летчики – это эксперты, так же как режиссеры и пианисты. Спортсмены и их тренеры – тоже эксперты. А еще слесари, полицейские и плотники. В этом смысле и ваш почтальон является экспертом, по крайней мере, в своей области. Когда вам нужно разобраться в полученном анализе крови, вы обращаетесь к врачу или медсестре. А если вам понадобится узнать, как письмо от вашего друга в Бразилии добралось до вашего почтового ящика в Мичигане, вы можете спросить того, кто занимался этим долгие годы.

Специализированные знания – это неотъемлемая часть любого рода занятий. Поэтому здесь я буду использовать слова «профессионалы», «интеллектуалы» и «эксперты», как взаимозаменяемые, в более широком смысле, применимо к тем людям, кто освоил определенные навыки или объемы знаний и кто применяет на практике эти навыки или использует свои знания в качестве основной своей профессии. Это поможет нам отделить «профессионального летчика» от пилота выходного дня, или даже «профессионального карточного игрока» от незадачливого любителя азартных игр, периодически оставляющего свои деньги в казино.

Другими словами, эксперты – это люди, которые знают о конкретном предмете значительно больше, чем все остальные, и к кому мы обращаемся, когда нам нужна консультация, профессиональная подготовка или принятие решений в определенных сферах человеческих знаний. Обратите внимание, что это вовсе не означает, что эксперты знают все, что нужно знать по данной теме. Скорее, это означает, что эксперты в любой конкретной области по самой своей природе есть то меньшинство, чьи взгляды вероятней всего будут «авторитетными» – а именно, правильными или точными – в сравнении с любыми другими.

Но даже среди экспертов есть свои эксперты. Врач, только что получивший диплом, гораздо более квалифицированно поставит диагноз и вылечит болезнь, чем дилетант. Но когда он сталкивается со сложным случаем, он или она может воспользоваться советом специалиста. И нотариус, и судьи Верховного суда США являются юристами. Но тот юрист, что носит черную мантию в Вашингтоне, вероятней всего, будет лучшим экспертом по конституционным вопросам, чем тот, кто занимается оформлением завещаний и разводов в маленьком городке. Конечно, опыт тоже учитывается. В 2009 году, когда самолет авиакомпании USAir, вылетавший из Нью-Йорка, столкнулся на взлете со стаей птиц, в кабине было два пилота, но более опытный капитан, с гораздо большим налетом, сказал, что это «мой самолет» и направил его в сторону реки Гудзон, совершив вынужденную посадку на воду. Все, кто находился на борту, выжили.

Одной из разумных причин того, что в демократическом обществе человек может восприниматься как носитель профессиональной компетентности только в узкой области, явля-

ется выборочный характер, по необходимости присущий любой специализации. Когда мы изучаем определенную область знаний или посвящаем всю жизнь одной профессии, мы не только отказываемся от других специализированных знаний и направлений, но и верим, что другие наши сограждане знают, что они делают в своей области, равно как и мы. Как бы нам ни хотелось зайти в кабину пилотов, увидев загоревшийся двигатель, чтобы дать летчикам какие-то полезные советы, мы заранее знаем, что они лучше справятся с этой проблемой, чем мы. В противном случае наше высокоразвитое общество распалось бы на отдельные неорганизованные группы, где каждый критиковал бы каждого, при этом почти ничего не зная по существу вопроса, вместо того чтобы доверять друг другу.

Как сказал однажды о порнографии судья Поттер Стюарт, экспертное знание – один из тех предметов, которые трудно определить, но легко понять, когда его видишь.

Так как же мы различаем этих экспертов и как мы определяем их? Настоящие экспертные знания – это те знания, которым доверяют остальные. Это трудноуловимое, но узнаваемое сочетание образования, таланта, опыта и уважения профессионального сообщества. Каждое из этих свойств – признак эксперта. Большинство людей могут правильно оценить, как они объединены в конкретной теме или профессиональной области, когда решают, к чьему совету прислушаться.

Профессиональная подготовка или образование – это самый очевидный признак экспертного статуса и тот, который легче всего определить. Но это лишь начало. В большинстве профессий необходимым условием допуска в избранную сферу является наличие документального подтверждения твоей успешности: учителя, няни и слесари – все они должны иметь определенный сертификат, подтверждающий их умения, чтобы другие люди знали, что их способности были оценены их коллегами и соответствуют базовому стандарту компетентности. Несмотря на то что самые решительные противники традиционных знаний с насмешкой называют это «оценкой по диплому», все эти дипломы и лицензии – ощутимые доказательства профессиональных достижений и важные показатели, которые помогают нам отличить любителей (или шарлатанов) от истинных экспертов.

Давайте честно признаем, что какие-то из сертификационных документов – временные новшества, а какие-то, может, почти ничего не значат. В некоторых случаях документы составляются представителями штатов или местных властей в качестве налоговых уловок, другие же подтверждают всего лишь разовое прохождение тестирования. В современной Америке будущие юристы учатся на степень, а прежде молодые люди просто «читали законы», а потом должны были сдать приемный экзамен в коллегию адвокатов. И хоть эта менее традиционная система готовила личностей масштаба Авраама Линкольна – по всеобщему признанию он не был выдающимся адвокатом – она также порождала таких не слишком популярных фигур, как Генри Биллингс Браун, член Верховного суда США. При рассмотрении дела «Плесси против Фергюсона» он высказал мнение, которое поддержало большинство судей, что разделение граждан на чернокожих и белых не нарушает Конституцию. (Браун посещал занятия по праву в Гарвардском и Йельском университетах, но не закончил ни того ни другого.)

И все же дипломы и сертификаты – это необходимое начало. Они несут в себе одобрение тех учреждений, которые выдали его, и являются свидетельством качества, подобно тому, как торговые бренды стремятся рекламировать (и в том числе защищать) качество своей продукции. Если внимательно изучить реальный диплом колледжа, можно заметить самое главное, что отличает большинство дипломов: получатель данного диплома был проэкзаменован преподавателями факультета и допущен к защите диплома, что, в свою очередь, подтверждено местным комитетом по образованию или органом, представляющим данную профессию.

Те факультеты и ассоциации, которые выдают дипломы и присваивают ученые степени после прохождения у них курса обучения, ручаются за те знания, что получил их выпускник по конкретному предмету. Наименование колледжа или другого учебного заведения и сама ученая степень служит, по крайней мере, начальным подтверждением профессиональных способностей.

Никто не будет отрицать, что хорошие колледжи оканчивает множество людей, у которых отсутствует понятие здравого смысла. Еще меньше учебных заведений выпускает гениев. Но, как говорится, хотя в скачках не всегда побеждает самый быстрый, другого способа делать ставки нет. Статистика показывает, что процент гениев, вышедших из стен Массачусетского технологического института и Технологического института Джорджии заметно выше, чем у менее престижных учебных заведений или среди изобретателей-самоучек. И все же MIT заканчивали люди, которые не только не были в состоянии правильно подсчитать свои доходы и расходы, но и хорошими инженерами тоже не были. Что отличает экспертов, особенно заметных лидеров в своей профессии, от других специалистов с похожими сертификационными документами?

Одним из отличий является одаренность или природный талант. Талант необходим для эксперта. (Как заметил однажды Эрнест Хемингуэй, говоря о писательской работе: «Первое, что абсолютно необходимо писателю, это крайне серьезное отношение к делу. А второе, к сожалению, талант».) Человек, изучавший произведения Чосера в колледже, будет знать об английской литературе больше, чем большинство людей, но исключительно с точки зрения фактов. А ученый, обладающий настоящим талантом к изучению средневековой литературы, не только знает больше, но может связно объяснять свой предмет и, возможно, даже генерировать новые знания по нему.

Давайте честно признаем, что какие-то из сертификационных документов – временные новшества, а какие-то, может, почти ничего не значат.

Талант отделяет тех, кто получил диплом, от тех, кто обладает более глубоким знанием или пониманием своей сферы деятельности. В каждой области знаний есть люди, которые могут похвастаться определенными достижениями, но при этом их нельзя назвать успешными специалистами. Есть блестящие выпускники юридических факультетов, которые замирают в ужасе при виде присяжных. Кто-то из отличников полицейских академий не обладает уличной смекалкой и никогда ее не приобретет. Немалое количество новоявленных докторантов из лучших университетов, закончив работу над диссертацией, больше никогда не напишут ничего столь же значимого.

Пусть эти люди и проторили себе путь в профессию, но они не стали истинными профессионалами, и их профессиональная компетентность никогда не выйдет за границы, установленные их собственными способностями.

Вот где опыт помогает отделить компетентного специалиста от некомпетентного. Иногда рынок сам отсеивает лишенных таланта или навыков будущих профессионалов. Несмотря на то что, например, профессиональные биржевые маклеры совершают ошибки, большинство из них способны обеспечить себя, в то время как любители почти никогда ничего не зарабатывают. Руководитель новостного портала Business Insider и бывший аналитик с Уолл-стрит Генри Болджетт однажды назвал дилетантское трейдерство «самой тупой работой», и что большинство людей, занимающихся этим делом, «заработали бы больше в Burger King[9]. В конечном итоге они остаются без денег. Точно так же плохие учителя со временем получают плохие отзывы, скверные адвокаты теряют клиентов, а лишенные таланта спортсмены не могут пройти отборочный тур.

В каждой сфере деятельности есть свое испытание огнем, и не каждому удается выжить. Вот почему опыт и долговечность в определенной области или профессии являются обоснованными показателями профессиональной компетентности. В действительности, когда мы спрашиваем человека о его «опыте», мы тем самым интересуемся, чем ты занимался *в последнее время*. Эксперты постоянно задействованы в своей профессии, неустанно совершенствуют свои навыки, учатся на своих ошибках и имеют заметный практический опыт. На протяжении своей карьеры они становятся все более квалифицированными специалистами или, по крайней мере, поддерживают высокий уровень компетентности и подкрепляют его мудростью – опять же, неуловимой – которая приходит со временем.

Существует множество примеров важности опыта для эксперта. Опытные сотрудники полиции часто обладают чутьем, которого нет у их более молодых коллег, тем чувством, когда ты понимаешь, что «что-то не так». Врачи или пилоты, которые пережили многочисленные кризисные ситуации в операционной или в кабине самолета вряд ли будут паниковать в случае непредвиденных ситуаций. Преподаватели со стажем не так страшатся проблем или трудных студентов. Стендап-комики[4], имеющие за плечами богатый опыт выступлений, не пасуют перед крикунами и даже знают, как воспользоваться этим себе на пользу.

Эти навыки не всегда поддаются количественному измерению. Вот пример из моего собственного студенческого опыта.

После колледжа я поступил в институт Гарримана Колумбийского университета, чтобы изучать политику Советского Союза. Я хотел преподавать и работать в сфере политики и выстраивания отношений с Советским Союзом. А Колумбийский университет был в то время одной из лучших школ в этой области. Директором института был профессор Маршалл Шульман, известный советолог, также работавший советником Джимми Картера по вопросам связи с Советским Союзом.

Подобно всем советологам, Шульман очень внимательно прочитывал советскую прессу, чтобы узнать политику Кремля. Этот процесс был чем-то сродни изучению Талмуда, и для тех из нас, кто никогда этим не занимался, был тайной. Как, спрашивали мы, его студенты, он может понять что-то в этом высокопарном слоге советских газет или догадаться о смысле подобных велеречивых пассажей? Как могут тысячу раз написанные по одному шаблону истории о героической борьбе колхозов раскрыть секреты одной из самых закрытых политических систем на земле? Шульман пожал плечами и сказал: «На самом деле я не могу это объяснить. Я просто читаю «Правду» до тех пор, пока у меня нос не задергается».

В то время я думал, что это была одна из самых глупых фраз, которые я слышал. Я даже начал сомневаться в том, правильно ли я поступил, продолжив образование. Но говоря так, Шульман имел в виду, что он годами читал советскую периодику, а потому так изучил их способ коммуникации, что его натренированный и опытный глаз мог заметить любые изменения или нарушения нормы.

Как бы скептически я к этому ни относился, но я поступал точно так же, когда учился и только начинал свою карьеру. Я читал советскую прессу практически ежедневно и пытался отыскать те шаблоны, которые раньше не бросались мне в глаза. В итоге я начал понимать, что имел в виду Шульман. Не могу сказать, что у меня дергался нос или шевелились уши, но я осознал, что чтение литературы на иностранном языке – это профессиональные знания особого рода.

Их нельзя выделить в некий курс или проверочный тест. Не существует быстрых способов развить это в качестве навыка: занятия требуют времени, практики и советов со стороны более опытных экспертов в данной области.

---

[4] Комедийный жанр, где артист выступает с монологами, шутками, историями и т. п. непосредственно перед живой аудиторией, обращаясь напрямую к зрителям. – *Прим. ред.*

Еще одним признаком истинного эксперта является его готовность к тому, чтобы быть оцененным и исправленным другими экспертами. В каждой группе профессионалов и экспертном сообществе есть свои органы надзора, исполнения, аккредитации и сертификации, чья работа заключается в том, чтобы поддерживать порядок в собственных рядах и следить не только за тем, чтобы все члены сообщества соответствовали стандартам своей специальности, но и чтобы их ремеслом занимались лишь те люди, которые действительно знают, что они делают.

Несмотря на то что, например, профессиональные биржевые маклеры совершают ошибки, большинство из них способны обеспечить себя, в то время как любители почти никогда ничего не зарабатывают.

Подобный самоконтроль является ключевым элементом профессионализма, и это еще один способ определить экспертов. Каждая специализированная группа создает барьеры для входа в свою профессию. Часть этих барьеров более разумна и честна по сравнению с другими, но обычно их цель – добиться того, чтобы сама профессия не обесценивалась некомпетентными или откровенно грубыми действиями. Я легко могу собрать группу коллег и повесить на своем доме табличку, назвав свое заведение «Институт физики высоких энергий Тома Николса». Но дело в том, что я не имею представления о том, что такое физика высоких энергий. Поэтому мой воображаемый институт никогда не будет признан настоящими физиками, которые, узнав о липовых ученых степенях, сразу же прикажут мне закрыться, чтобы защитить само понятие «физик».

Экспертные сообщества доверяют подобным учреждениям, созданным их коллегами, которые следят за соблюдением стандартов и поддерживают уровень доверия к ним населения. Такие механизмы, как рецензии коллег, профессиональная сертификация, профессиональные союзы и другие организации помогают защитить качество услуг и предоставить гарантию населению – то есть клиентам экспертов – что они получат компетентную помощь экспертов. Когда вы поднимаетесь на лифте на верхний этаж небоскреба, сертификат в лифте не желает вам удачи в вашем рискованном предприятии. Он говорит о том, что муниципальные власти, полагаясь на квалифицированных и опытных инженеров, осмотрели этот лифт и доподлинно знают, что он надежен и вам ничто не грозит.

Опыт и профессиональная оценка имеют значение, но не стоит забывать о мудрости старой китайской поговорки – «остерегаться ремесленника, который заявляет о двадцатилетнем опыте, когда в действительности он работал двадцать раз по году». Есть плохие стоматологи, которые к моменту окончания медицинского колледжа плохо вырывали зубы и так и не преуспели в этом деле вплоть до самой пенсии. Есть преподаватели, которые вгоняют учеников в сон с первых дней занятий. Но мы должны помнить две важные вещи, когда говорим об экспертах, даже тех, кто, возможно, не является лучшим в своей области.

Во-первых, пусть у нашего неуклюжего дантиста не очень хорошо получается выдергивать зубы, он или она делает это лучше, чем *вы*. Никому из нас не нужен декан стоматологического факультета, чтобы поставить коронку или простую пломбу. Возможно, вам повезет самостоятельно вырвать себе зуб, но у вас нет специальных знаний или опыта, чтобы сделать это без существенного риска для собственного здоровья. Большинство людей даже не берутся остричь себе волосы. (В конце концов, косметологи управляются со всевозможными химикатами и острыми инструментами, и это еще одна группа профессионалов, которым требуется специальная подготовка и лицензирование.) Лишь немногие из нас рискнут вырвать зубы у себя или у своих близких.

Во-вторых, эксперты, конечно, совершают ошибки, но они ошибутся с гораздо меньшей долей вероятности, чем непрофессионалы. Ключевое отличие экспертов от всех осталь-

ных людей заключается в том, что они как никто другой лучше знают все подводные камни своей профессии. Как сказал знаменитый физик Вернер Гейзенберг, эксперт это «тот, кто знает о самых опасных ошибках, которые можно совершить в его области, и то, как этих ошибок избежать». (Его коллега Нильс Бор выразился иначе: «Эксперт – это человек, совершивший все ошибки, которые можно сделать в своей очень узкой специальности».)

Обе эти точки зрения должны помочь нам понять, почему пагубная идея о том, что «каждый может быть экспертом», так опасна. Она частично верна в том смысле, что почти каждый человек, обладающий определенными навыками, может приобрести специализированные знания, на которые другие люди должны полагаться в большинстве случаев. Однако неприятности возникают тогда, когда люди начинают верить в то, что самое малое знание в какой-то области означает компетентность. Грань между любителем, который много знает о военных кораблях, потому что читал ежегодный справочник “Jane’s Fighting Ships” и настоящим экспертом, разбирающимся в возможностях военных кораблей мира, тонка. Но эта грань есть.

Знать что-то – не то же самое, что понимать данный предмет. Понимание и анализ – не одно и то же. Экспертное знание – не салонная игра с фактами сомнительного происхождения.

И хотя существуют эксперты-самоучки, они являются редкими исключениями. Чаще же встречаются люди, которые стремятся найти быстрый доступ к сложным сферам знаний, но при этом даже не догадываются, как жалки их потуги. Они напоминают забавных исполнителей песен в караоке, которые считают, что у них есть шанс стать следующим победителем шоу “American Idol”. Или людей, играющих в гольф время от времени, но мечтающих стать профессионалами. Делать что-то хорошо вовсе не означает, что ты становишься надежным источником профессиональных советов. (Обратите внимание, что те же люди, которые думают, что могут стать певцами, никогда не считают, что способны быть преподавателями вокала.)

Подобная нехватка самооценки и трезвого осознания предела своих интеллектуальных способностей могут привести к определенным неловким моментам между экспертами и непрофессионалами. Так, например, несколько лет назад мне позвонил один господин, который убеждал меня в том, что проделал какую-то важную работу, которая может быть полезна для нашей учебной программы в Военно-морском колледже. Его направил ко мне бывший студент, учившийся в другом заведении, и он очень хотел, чтобы я прочитал важную статью по Ближнему Востоку. Я спросил его, кто написал эту статью. И он ответил, что сам. Он был бизнесменом и «много читал». Я спросил его, учился ли он когда-нибудь этому предмету, посещал ли данный регион и читал ли что-то на языках стран Ближнего Востока.

Он признался, что у него нет подобного опыта, а потом добавил: «Но, в конце концов, вы можете стать экспертом, почитав какую-то книгу в течение месяца, ведь так?»

Нет, не так.

Американской культуре свойственно вдохновлять подобного рода романтические представления о мудрости простого человека или смышлености гения-самоучки. Эти образы порождают определенного рода успокаивающую социальную фантазию, в которой обычные люди способны превзойти консервативного профессора или занудного ученого с помощью чистого упорства и изобретательности.

Грань между любителем, который много знает о военных кораблях, потому что читал ежегодный справочник “Jane’s Fighting Ships” и настоящим экспертом, разбирающимся в возможностях военных кораблей мира, тонка. Но эта грань есть.

Существует множество подобных примеров в американской популярной культуре, особенно в фильмах, где изображены необычайно талантливые молодые люди, которые обставляют компании, университеты и даже правительства. Например, в 1997 году Бен Аффлек и Мэтт Деймон написали сценарий фильма под названием «Умница Уилл Хантинг» о двор-

нике, который оказывается сверходаренным человеком. В теперь уже ставшей знаменитой сцене в баре Деймон резко осаживает избалованного выпускника университета Лиги плюща:

> «Это мнение первокурсника, изучающего марксистскую историю, скажем, Пита Гаррисона. Твое мнение изменится через месяц, когда ты перейдешь к Джеймсу Лемону. По нему экономика южных колоний связана с капитализацией 1740-х.
>
> Через год ты начнешь повторять слова Гордона Вуда о предреволюционной утопии и эффектах роста капитала при военной мобилизации… Это ты взял из книги Викерса «Работа в графстве Эссекс», страница 98. Я это тоже читал. Ты так и будешь цитировать его? А собственные мысли у тебя есть? Или это твой способ поведения? Приходишь в бар и выдаешь чужие идеи за свои.
>
> Ты выкинул 150 000 долларов на образование, доступное в библиотеке за 1,50 доллара штрафов за просрочку возврата книг».

Позднее молодой человек спорит со своим психотерапевтом по поводу работ Говарда Зинна и Ноама Хомского. Неестественные и глупые, подобные моменты, тем не менее, находили отклик в сердцах зрителей того времени. Деймон и Аффлек получили «Оскар» за свой сценарий. И можно не сомневаться в том, что, по крайней мере, часть своей аудитории они заставили поверить в то, что чтение достаточного количества книг равносильно полноценному курсу обучения.

В конечном итоге экспертное знание сложно определить, а экспертов иногда трудно отличить от дилетантов. И все равно мы должны уметь отличать людей, имеющих лишь общее знакомство с предметом, от людей, чьи знания безусловны. Ни один человек не может обладать полным знанием, и эксперты осознают это лучше, чем кто бы то ни было. Но образование, стажировка, практика, опыт и признание других в конкретной области должны служить нам, по крайней мере, примерным ориентиром для разделения общества на экспертов и остальных людей.

Одна из главных причин, почему эксперты и обычные люди всегда доводили друг друга до безумия, в том, что все они люди. А значит, испытывают похожие проблемы с тем, как получать и интерпретировать информацию. Даже самые образованные люди могут совершать элементарные ошибки при обдумывании разных вопросов, в то время как менее умные люди склонны преувеличивать свои возможности. Но кем бы ты ни был – экспертом или обычным человеком – наш мозг работает одинаково (а иногда нет): мы слышим вещи так, как хотим их услышать, и отвергаем те факты, которые нам не нравятся. Эти проблемы станут темой обсуждения в следующей главе.

2
Разговоры стали утомительны

Много веков назад… люди еще прекрасно умели отличать доказанное от недоказанного. И если уж что-то доказано, они и верили в это.
К.С. Льюис. «Письма Баламута»

Да, ну, знаешь, это всего лишь твое мнение, старик.
«Большой Лебовски»

Мне спор, пожалуйста

Разговор в двадцать первом веке иногда утомляет, а зачастую просто сводит с ума. И это происходит не только между экспертами и обычными людьми, но и среди всех остальных. Если в предшествующую эпоху экспертам отводилась особая роль, то сегодня все границы стерлись. Если посмотреть на то, как ежедневно общаются обычные люди, то можно заметить, что даже среди них несогласие и спор перешли в изматывающий обмен возражениями, взятыми наобум фактами и сомнительными источниками, которые сами участники зачастую не могут понять. Факт доступности более качественного образования, легкий и быстрый доступ к информации, стремительное распространение социальных сетей и упростившийся выход в публичное пространство, по идее, должны были улучшить наши способности обдумывать и решать. Вместо этого все вышеперечисленное лишь усугубило ситуацию.

Публичные дебаты практически по любому вопросу переходят в откровенный конфликт, главная цель которого – добиться того, чтобы доказать, что другой неправ. Разумные расхождения во мнениях скатываются до уровня примитивного спора, где все стремятся одержать победу, а фактами «двигают», как шашками на доске, просто чтобы «выбить» другие факты. Подобно клиенту в легендарном скетче «Клиника споров» из шоу «Монти Пайтон» (“Monty Python”), мы отрицаем любую фразу, которую сказал другой. («Это не аргумент», – говорит сердитый посетитель профессиональному спорщику. «Нет, это аргумент», – отвечает тот. «Нет, это просто отрицание!» – «Нет!» – «Да!»)

Здесь мы должны начать с очевидной и универсальной проблемы: вы и я. Или, если быть точнее, то, как вы и я думаем. По всем вопросам – от биологии до социальной психологии – мы бьемся в неравном бою, пытаясь понять друг друга.

У каждого из нас есть врожденная и естественная склонность искать подтверждение тому, во что мы уже верим. На самом деле наш мозг запрограммирован подобным образом, поэтому мы спорим даже тогда, когда не следует этого делать. И если мы чувствуем некую социальную или личную угрозу, то будем спорить до посинения. (Возможно, в век Интернета фразу следовало бы изменить – «до онемения пальцев».) И эксперты здесь не исключение. Мы, как и все, хотим верить в то, во что хотим верить.

> **Не все люди исключительно умны. И как мы увидим, те, люди, которые больше всего уверены в том, что они правы, чаще всего оказываются теми, кто менее всего заслуживает подобной самоуверенности.**

Что касается личной жизни каждого из нас, то здесь мы склонны чуть больше прощать, потому что люди – социальные животные, которые хотят понимания и любви от самых близ-

ких. В личном плане большинство людей уверены в том, что на них можно положиться, и все мы также хотим, чтобы и другие видели нас подобным образом. Все мы хотим, чтобы нас воспринимали всерьез и уважали. На практике это означает, что мы не хотим, чтобы кто-то думал, что мы глупые, а потому стараемся показаться лучше, чем есть на самом деле. Со временем мы даже убеждаем себя в этом.

Конечно же, существует также изначальная проблема: не все люди исключительно умны. И как мы увидим, те, люди, которые больше всего уверены в том, что они правы, чаще всего оказываются теми, кто менее всего заслуживает подобной самоуверенности.

Но было бы слишком просто объяснять раздражающую природу современной дискуссии исключительно глупостью других. (Однако это не значит, что такого не случается.) Большинство людей не являются настолько интеллектуально ограниченными, по крайней мере, они достаточно умны, если оценивать с помощью базовых показателей, таких как уровень грамотности или окончание средней школы.

Дело в том, что подводные камни дискуссий и дебатов не ограничиваются ошибками, которые совершают наименее умные среди нас. Мы все становимся жертвами череды ошибок, включая те способы, с помощью которых все мы пытаемся решить проблемы и спорные вопросы так, чтобы при этом все чувствовали себя хорошо. Причинами гибели экспертного знания является, в том числе, современное состояние системы высшего образования, содержание средств массовой информации, включая интернет-ресурсы – все, что активно формирует личность человека. Таким образом, преодолеть это можно, если мы будем понимать, что именно нужно изменить в образовании и в морально-нравственных ценностях.

Возможно, все мы просто глупы

Давайте для начала рассмотрим самую неприятную перспективу. Возможно, проблемы в общении между экспертами и непрофессионалами возникают потому, что обычные люди просто не умны. Может быть, интеллектуальный разрыв между образованными элитами и массами в настоящее время настолько велик, что они просто не могут общаться друг с другом иначе, как только обмениваться взаимным презрением. А может быть, аргументы и споры неэффективны потому, что одна или обе стороны просто глупы.

Это опасные слова. Никому не нравится, когда его называют глупым – резкое, грубое определение, которое подразумевает не только отсутствие ума, но и сознательное невежество, вплоть до морального падения. (Я прибегал к нему больше, чем следовало бы. Да и вы наверняка тоже.) Можно назвать людей, с которыми вы не согласны, неинформированными, ошибающимися, некорректными и пр. Но только не называйте их глупыми.

К счастью, определение «глупый» не только грубое, но и по большей части неточное. Как ни крути, американцы сейчас умнее, или, по крайней мере, не менее сообразительны, чем они были несколько десятилетий назад. Начало XX века трудно назвать золотым веком культуры и образования. В 1943 году поступающие в колледж абитуриенты – только 6 процентов из которых смогли перечислить все 13 колоний[5] – назвали Авраама Линкольна первым президентом и человеком, который «изнурял [так в тексте] рабов». Редакция газеты New York Times видела эти результаты и даже позволила себе ненадолго отвлечься от освещения хода Второй мировой войны, чтобы посетовать на «ужасающе невежественную молодежь страны»[10].

Способны ли люди двадцать первого века поддерживать уровень своего образования, учитывая стремительно меняющиеся реалии мира, это уже другой вопрос. Ученикам начальной школы 1910-х и 2010-х годов одинаково приходилось учиться высчитывать длину сторон треугольника, но сегодня ученики применяют эти знания, живя в эпоху космических достижений. В то время как их прапрадеды, вероятней всего, никогда не видели автомобиля, не говоря уже о самолете. А еще нельзя забывать о том, что в любую эпоху человек может проявлять намеренное нежелание узнавать что-то. Никакой объем образования не заставит человека выучить фамилию члена Конгресса, если он сам этого не хочет.

Учитывая все вышеизложенное, надо признать, что все равно существует проблема, которая заключается в том, что, по крайней мере, часть людей считает себя умными, когда на самом деле все обстоит совершенно иначе. Всем нам наверняка доводилось присутствовать на вечеринке или на обеде, когда наименее информированный человек ведет беседу, нисколько не сомневаясь в своей просвещенности и уверенно вываливая на всех остальных поток ошибок и неверной информации. Некоторые люди способны с совершенно необоснованной уверенностью без умолку болтать о предмете, о котором они знают очень мало.

Науке известен подобный феномен, который называется эффектом Даннинга – Крюгера (в честь Дэвида Даннинга и Джастина Крюгера, психологов-исследователей из Корнуэльского университета, которые описали его в своей эпохальной научной работе 1999 года).

Вкратце эффект Даннинга – Крюгера означает, что чем глупее человек, тем более он уверен, что не глуп. Даннинг и Крюгер используют более осторожное определение, называя таких людей «необученными» или «некомпетентными». Но это не меняет сути: «Они не только приходят к ошибочным умозаключениям и делают неудачный выбор, их некомпетентность лишает их способности осознать это»[11].

---

[5] Тринадцать колоний – британские колонии в Северной Америке, подписавшие в 1776 г. Декларацию независимости и тем самым ставшие ядром будущих Соединенных Штатов Америки. – *Прим. ред.*

Справедливости ради следует отметить, что все мы склонны переоценивать себя. Спросите любого, как он оценивает свои таланты и способности, и вы столкнетесь с «эффектом выше среднего уровня», когда человек считает, что его таланты… ну, выше среднего уровня. Это, как сухо замечают Даннинг и Крюгер, «результат, не согласующийся с описательной статистикой». И тем не менее это такая заметная человеческая слабость, что юморист Гаррисон Кейлор в своем знаменитом радиошоу «Спутник прерий» придумал целый город, Лейк-Вубегон[6], где «все дети обладают способностями выше среднего».

Как позднее объяснял Даннинг, мы все переоцениваем себя, но менее компетентные из нас делают это чаще других.

> «Целый ряд исследований, проведенных мной и другими учеными, подтвердил, что люди, не обладающие существенными знаниями об определенном наборе когнитивных, технических или социальных умений, склонны грубо переоценивать свое владение предметом, будь то грамматика, эмоциональный интеллект, логическое мышление, безопасное обращение с огнестрельным оружием и уход за ним, ведение публичной дискуссии или финансовые знания. Студенты колледжей, сдающие экзаменационные работы, которые могут быть оценены только на D или F[7], считают, что их усилия будут оценены гораздо выше. Слабые шахматные игроки, игроки в бридж и нерадивые студенты-медики, а также пожилые люди, которые меняют водительские права – все они в значительной степени переоценивают свою компетентность»[12].

Студенты, которые готовятся к экзаменам, пожилые люди, стремящиеся сохранить свою независимость, и студенты-медики, думающие о своей будущей карьере, предпочитают быть настроенными более оптимистично, вместо того чтобы недооценивать себя. Во многих сферах деятельности, за исключением таких, как спортивные соревнования, где некомпетентность очевидна и неоспорима, это нормально, когда люди отрицают, что они плохо что-то делают.

Оказывается, существует более конкретная причина того, что неквалифицированные или некомпетентные люди переоценивают свои способности гораздо больше остальных. Им не хватает важнейшего навыка, называемого «метапознанием». Это способность знать, когда ты делаешь что-то не очень хорошо, посмотрев на это со стороны. Хорошие певцы знают, когда они взяли фальшивую ноту; хорошие режиссеры понимают, когда не идет определенная сцена; хорошие маркетологи знают, когда рекламная кампания провалится. А их менее компетентные коллеги не обладают подобной способностью. Они уверены, что делают все отлично.

Сравните таких людей с экспертами и вы вполне предсказуемо получите плачевные результаты. Отсутствие навыка метапознания создает порочный круг, когда люди, не владеющие предметом в достаточной степени, не понимают, что они безосновательно и заносчиво спорят с экспертами по этим вопросам. Но в данном случае люди еще и не имеют представления о том, как вести аргументированный спор, а потому не способны осознать свои ошибки. И уже очень быстро эксперт разочаровывается, а непрофессионал чувствует себя оскорбленным. И все расходятся в гневе.

Вкратце эффект Даннинга – Крюгера означает, что чем глупее человек, тем более он уверен, что не глуп.

---

[6] Игра слов, в оригинале “Lake Woebegone”, что может быть дословно переведено как «Озеро Жалкое» или «Озеро Огорчения». По-русски, наверное, следовало бы назвать этот городок Жалкоозерском. – *Прим. ред.*

[7] В американской шкале оценки знаний *D* соответствует «тройке» в России, а *F* – «двойке». – *Прим. ред.*

> Существует более конкретная причина того, что неквалифицированные или некомпетентные люди переоценивают свои способности гораздо больше остальных. Им не хватает важнейшего навыка, называемого «метапознанием».

Еще более раздражает то, что нет способа образовывать или информировать человека, который начинает выдумывать, когда сомневается. Даннинг описывал исследование, проведенное в Корнуэльском университете, которое он назвал «менее яркой версией шоу Джимми Киммела». Оно подтвердило точку зрения комика, что даже когда люди не имеют представления о том, что они говорят, это ничуть не останавливает их.

> «В нашей работе мы задаем вопросы респондентам о том, знакомы ли они с определенными специальными терминами из физики, биологии, политики и географии. Существенное количество респондентов говорят, что знакомы с такими реально существующими понятиями, как *центробежная сила* или *фотон*.
>
> Но что интересно, они также говорят о своей осведомленности в том, что касается таких придуманных понятий, как *плоскости параллакса, ультралипид* и *холарин*. В одном исследовании примерно 90 процентов опрошенных заявили о знакомстве минимум с одним из девяти вымышленных понятий, о которых мы спрашивали их».

Хуже того, «чем более осведомленными считали себя респонденты в конкретной теме в целом, тем увереннее они подтверждали знание бессмысленных терминов». А потому труднее спорить с этими «некомпетентными личностями». Потому что по сравнению с экспертами «они проявляют меньшую способность определять компетентность».

Другими словами, чем менее компетентны люди, тем меньше вероятность, что они знают, что ошибаются, или знают, что другие люди правы. И тем больше вероятность, что они попытаются притвориться знающими. И при этом они вряд ли смогут научиться чему-то.

Даннинг и Крюгер дают несколько объяснений этому. В целом люди не любят задевать чувства друг друга, и бывает так, что на работе сотрудники и даже руководители неохотно поправляют своих некомпетентных товарищей или коллег. В некоторых сферах деятельности, таких как писательство или ораторское искусство, не существует очевидных средств добиться немедленной ответной реакции. Когда играешь в бейсбол, тебе легко понять, насколько ты способен. Но ты можешь коверкать грамматику и синтаксис каждый день, даже не осознавая, как плохо ты говоришь.

Проблема с «наименее компетентными» заключается в сложности, возникающей в общении между экспертами и непрофессионалами. Но мы не можем изменить фундаментальное свойство человеческой природы. Однако не каждый человек некомпетентен, а таких, кто был бы некомпетентен во всем, почти нет. Какие ошибки совершают более образованные или способные быстро схватывать новую информацию люди, пытаясь понять сложные проблемы? Не удивительно, что обычные люди сталкиваются с теми же подводными камнями и предрассудками, которые не минуют экспертов.

Склонность подтверждать свою точку зрения

Склонность к подтверждению своей точки зрения – самое распространенное и наиболее раздражающее препятствие для продуктивного разговора, и не только между экспертами и непрофессионалами. Термин связан со склонностью искать ту информацию, которая только подтверждает то, во что мы уже верим; принимать те факты, которые подкрепляют предпочтительные для нас объяснения, и отбрасывать те, которые ставят под сомнение то, что мы уже признали, как истинное. Мы все так делаем. И можете быть уверены в том, что и вы, и я, и любой другой, кто когда-нибудь спорил с кем-нибудь по какому-либо вопросу, выводил его из себя.

Так, например, если мы уверены в том, что левши – дурные и опасные люди, каждый убийца-левша будет подтверждать нашу точку зрения. Мы будем видеть их во всех новостях, так как только эти истории мы и будем запоминать. И нашу уверенность не поколеблют никакие данные о количестве убийц-правшей. Каждый левша – это доказательство. Каждый правша – исключение. Точно так же, если мы услышим, что бостонские водители грубые, то, когда мы в следующий раз отправимся в Бостон, мы будем помнить тех, кто подрезал нас или просигналил. И мы, не задумываясь, станем игнорировать или забывать тех, кто уступил нам дорогу или благодарно помахал нам. (В 2014 году компания AutoVantage, оказывающая техническую помощь на дорогах, в своем рейтинге назвала Хьюстон городом с самыми грубыми водителями. Бостон оказался на пятом месте.)

В фильме «Человек дождя» 1988 года аутист Рей – идеальный, если не сказать исключительный, пример склонности к подтверждению своей точки зрения. Рей – человек с незаурядными умственными способностями, чей мозг работает, как компьютер: он способен осуществлять сложные расчеты с высокой скоростью и хранить гигантский объем не связанных друг с другом фактов. Но Рей в силу своего состояния не способен соединить эти факты в непротиворечивый контекст. Все то, что помнит Рей, намного важнее, чем все прочие факты в мире.

А потому, когда Рей и его брат должны лететь из Огайо в Калифорнию, Рей паникует. У каждой американской авиакомпании в прошлом случались ужасные катастрофы, а Рей может вспомнить даты и количество жертв *каждой из них*.

Зациклившись на этих страшных исключениях, Рей отказывается лететь любым из доступных им рейсов. Когда раздраженный брат спрашивает его, какой авиакомпании он доверяет, Рей спокойно называет национальную авиакомпанию Австралии. «Qantas, – говорит он, – у Qantas самолеты никогда не падали». Конечно же, Qantas не осуществляет рейсов внутри Соединенных Штатов, и поэтому Рей с братом отправляются на машине через всю страну, что гораздо опаснее полета на самолете. Но так как Рей не хранит в своей памяти информацию об ужасных автокатастрофах, он с радостью забирается в машину.

Все мы немного напоминаем Рея. Мы фиксируемся на информации, которая подтверждает наши страхи или подпитывает надежды. Мы помним те вещи, которые производят на нас впечатление, и игнорируем менее яркие события. А когда мы спорим друг с другом или обращаемся за советом к эксперту, большинство из нас с трудом могут избавиться от этих воспоминаний, какой бы иррациональной ни казалась наша фиксация на них.

Никакое количество безопасных посадок не перевесит страхи людей, убежденных в опасности перелетов.

В какой-то степени это проблема не умственных способностей в целом, а образования. Люди просто не воспринимают цифры, риск или вероятность. Лишь немногие вещи способны сделать дискуссию между экспертами и непрофессионалами более удручающей, чем подобная «неспособность к количественному мышлению», как назвал это качество математик Джон

Аллен Паулос. Никакое количество безопасных посадок не перевесит страхи людей, убежденных в опасности перелетов. «Зная об этих огромных цифрах и соответственно о малой вероятности плохого исхода, – писал Паулос в 2001 году, – не способные к количественному мышлению люди неизбежно отреагируют абсолютно нелогичным заявлением: «Да, а вдруг вы окажетесь этим единственным пассажиром», а потом станут многозначительно кивать, «словно они уничтожили ваш аргумент своим проницательным знанием»[13].

Люди могут быть крайне изобретательны, используя аргументы типа «а если я окажусь тем самым несчастливым исключением». В начале 1970-х годов я навестил своего дядю, жившего в сельском регионе Греции. Он был крепким, атлетически сложенным мужчиной, но ужасно боялся летать самолетами. А потому не мог заставить себя поехать в Лондон, чтобы пройти там курс лечения от серьезного заболевания. Мой отец пытался убедить его, говоря, что каждому назначено свое время и свой способ покинуть эту землю. И, возможно, его время пока не пришло.

На что мой дядя, подобно многим людям, которые боятся летать, возразил типичной фразой: «Да, но что если пришло время *пилота*?»

Ни один из нас не может быть идеально рациональным человеком, большинство людей боятся ситуаций, когда они теряют контроль. Мой дядя был необразованным человеком, родившимся в деревне в начале двадцатого века. Я – образованный человек двадцать первого века, хорошо осведомленный в статистике и истории, но при этом чувствую себя ничем не лучше, когда во время ночного рейса сижу, вжавшись в кресло, пока самолет потряхивает на подлете к Провиденсу. В такие моменты я пытаюсь думать о тысячах похожих случаев приземления самолетов по всему миру и о невероятно малом шансе, что наш рейс окажется в числе невезучих. Но обычно у меня это плохо получается: я начисто забываю о всех тех безопасно осуществленных рейсах из Ванкувера в Йоханнесбург, когда сижу, вцепившись руками в подлокотники, в то время как наш самолет скользит над крышами домов Род-Айленда.

Ныне покойный писатель-фантаст и врач Майкл Крайтон привел в качестве примера ситуацию времен начала 1980-х годов, когда появились первые сообщения об эпидемии СПИДа, чтобы продемонстрировать, как часто люди бывают убеждены в том, что именно они вытащат короткую соломинку. В то время об этом заболевании мало что знали. Подруга Крайтона позвонила ему, чтобы он успокоил ее. Вместо этого ее разозлили логические доводы врача:

> «Я пытаюсь объяснить степень риска. Потому что недавно я заметил, как мало людей осознают степень этого риска. Я вижу, что люди хранят дома оружие, ездят в машине не пристегнутые, едят французскую кухню, забивающую сосуды, и курят сигареты. И ничуть не переживают. Вместо этого их пугает СПИД. Это какое-то безумие.
>
> – Эллен, ты боялась когда-нибудь погибнуть в автокатастрофе?
>
> – Нет, никогда.
>
> – Боялась, что тебя убьют?
>
> – Нет.
>
> – Знаешь, существует гораздо бóльшая вероятность погибнуть в автокатастрофе или быть убитой незнакомцем, чем заразиться СПИДом.
>
> – Спасибо огромное, – отвечает Эллен. Она раздражена. – Я так рада, что позвонила тебе. Ты действительно умеешь успокоить, Майкл[14].

Десять лет спустя о СПИДе стало известно больше, и истерия пошла на спад. Однако в более поздние годы новые угрозы здоровью, такие как вирус Эбола, атипичная пневмония и другие редкие недуги стали вызывать похожие реакции у тех американцев, кто больше бес-

покоится из-за экзотической болезни, чем из-за того, что они болтают по мобильному за рулем автомобиля, после того как позволили себе немного выпить в местном пабе.

Обратите внимание, что подобная предвзятость почти никогда не работает в обратном направлении. Лишь немногие из нас уверены в том, что являются исключением в *хорошем* смысле. Мы покупаем лотерейный билет, позволяем себе немного пофантазировать, а потом кладем его в карман и забываем о нем. Никто из нас не отправляется к автодилеру или риелтору с выпавшим назавтра номером лотереи.

Иррациональный страх встречается чаще иррационального оптимизма, потому что склонность подтверждать свою точку зрения – это механизм выживания. Хорошие вещи приходят и уходят, а смерть остается. Ваш мозг не особо беспокоится из-за всех тех людей, которые успешно долетели куда-то или благополучно пережили интрижку на одну ночь: они не вы. Ваш интеллект, работающий с ограниченной или неверной информацией, делает свою работу, пытаясь минимизировать любой риск для вашей жизни, даже самый маленький. Когда мы преодолеваем склонность к подтверждению своей точки зрения, мы пытаемся исправить базовую функцию (причем это именно функция, а не ошибка) человеческого мышления.

Вне зависимости от того, является ли проблема вопросом смертельного риска или одной из будничных дилемм, склонность искать подтверждение уже сложившемуся мнению никуда не исчезает, потому что людям нужно полагаться на то, что они уже знают. Они не могут действовать так, как будто их ум – это чистый лист бумаги. Память работает иначе: вряд ли было бы эффективно начинать каждое утро с того, чтобы пытаться выяснить любую вещь с нуля.

Ученые и исследователи борются со склонностью к подтверждению своей точки зрения, как с профессиональной помехой. Им тоже приходится выдвигать гипотезы, чтобы осуществить эксперименты или объяснить сложный вопрос. А это означает, что они уже накопили определенный опыт. И они строят предположения и прибегают к интуиции, как и все мы. Иначе они потеряют много времени, если будут начинать каждое свое исследование с концепции, что никто ничего не знает, и до этого дня ничего не происходило[15]. «Сделать, а потом разобраться» – это распространенная проблема, когда приступаешь к какому-то подробному исследованию: в конце концов, как мы узнаем, что ищем, если мы еще не обнаружили этого?[16]

Исследователи учатся распознавать эту проблему в самом начале своего обучения, и у них не всегда получается справиться с ней. Склонность к подтверждению своей точки зрения способна ввести в заблуждение даже самых опытных экспертов. Случается, что врачи изначально настраиваются на определенный диагноз и ищут подтверждающие его симптомы, которые должны у пациента, по их мнению, быть, игнорируя реально присутствующие признаки других болезней и травм. (Врач-диагност доктор Хаус из одноименного телесериала говорит своим студентам-медикам: «Это *не может быть* волчанка». И, конечно же, далее следует эпизод, где самому самонадеянному врачу в мире приходится смириться со своей неспособностью поставить правильный диагноз тогда, когда это действительно оказывается волчанка.) Даже несмотря на то, что каждому исследователю говорят о том, что «отрицательный результат – это тоже результат», на самом деле никому не хочется обнаружить в итоге, что его изначальные предположения были неверны, и все усилия пошли прахом.

Именно так, например, произошло с изучением отношения общественности к однополым бракам. Студент-аспирант заявил, что он обнаружил статистически неопровержимое доказательство того, что, когда противники однополых браков беседовали на эту тему с тем, кто действительно был геем, они чаще всего меняли свою точку зрения. Его результаты были письменно заверены старшим коллегой из Колумбийского университета, который был соавтором данного исследования. Это стало удивительным открытием, которое было равносильно доказательству того, что разумных людей можно убедить отказаться от своих гомофобных взглядов.

Единственная проблема заключалась в том, что честолюбивый молодой исследователь исказил данные. Тех обсуждений, которые он, по его словам, анализировал, никогда не было.

Когда другие ученые изучили данную работу и подняли тревогу, профессор Колумбийского университета отозвал статью. Студент, который стоял на пороге яркой карьеры в Принстонском университете, оказался в итоге без работы.

Почему же профессорско-преподавательский состав и рецензенты, которые должны были сохранять бдительность, не обнаружили этой грубой ошибки в самом начале? Из-за склонности подтверждать собственную точку зрения. Как позднее написала в еженедельнике New Yorker корреспондент Мария Конникова, научный руководитель студента признался, что он хотел верить в эти открытия. Он и другие ученые *хотели*, чтобы эти результаты оказались правдой, а потому предпочитали не подвергать сомнению те способы, с помощью которых были получены наиболее предпочтительные ответы. «Коротко говоря, склонность искать подтверждения собственному мнению – которая особенно сильна, когда мы задумываемся о социальных вопросах, – возможно, привела к тому, что ученые проглядели всю шаткость данного исследования», – писала Конникова в своем обзоре, посвященном проблемам науки[17]. Действительно, «этот энтузиазм привел к уязвимости проекта», потому что другие ученые, надеясь взять за основу данные результаты, обнаружили подлог только когда углубились в детали исследования, которое, как они полагали, уже достигло нужного итога.

Вот почему ученые, когда возможно, проверяют эксперименты снова и снова, а потом показывают результаты другим специалистам для рецензирования. Данный подход – когда он работает – заставляет коллег эксперта действовать благожелательных, но строгих «адвокатов дьявола». Как правило, исследователь и рецензенты не знают друг друга: нужно, чтобы оценка была максимально объективной.

Это бесценный опыт. Даже самому честному и самокритичному ученому или исследователю нужна реальная проверка со стороны того, кто наименее заинтересован в исходе проекта. (Рукопись книги, которую вы сейчас читаете, тоже была оценена моими коллегами. Это не означает, что эксперты, которые читали ее, согласились с ее идеями. Их попросили рассмотреть аргументы и представить любые возникшие у них возражения или советы.)

Право выступать в роли судьи зачастую выпадает более опытному эксперту, потому что способность находить и определять доказательства, которые ставят под сомнение или даже опровергают гипотезу, приходит со временем. Ученые и исследователи на протяжении значительной части своей карьеры пытаются освоить это одно из ключевых умений.

Эти рецензии и проверки остаются незамеченными для непрофессионалов, потому что все они совершаются до того, как будет выпущен конечный продукт. Публика начинает узнавать об этих процессах только тогда, когда что-то пошло не так. А когда экспертная оценка оказывается ошибочной, то это может привести к плачевным результатам. Весь проект, вместо того чтобы выдавать экспертное подтверждение качества, может превратиться в изготовление фальшивок, круговую поруку, сведение счетов, фаворитизм и подобное мелочное поведение, к которому так склонен род людской. В случае с исследованием однополых браков, подлог был обнаружен, и система сработала, хотя и с запозданием, позволив статье выйти в свет.

Однако в современной жизни в неакадемических сферах аргументы и споры не подлежат оценке со стороны. Фактами оперируют так, как людям удобно в данный момент. Таким образом, склонность подтверждать свою точку зрения делает все попытки вести обоснованную дискуссию тщетными и очень утомительными, потому что вторая сторона прибегает к *нефальсифицируемым*[8] аргументам и теориям. В самой природе склонности к подтверждению собственной точки зрения заложена тенденция отбрасывать любые противоречащие факты, как ненужные. А значит *мои* данные это всегда норма, а *ваши* данные это всегда ошибка или исклю-

[8] Фальсифицируемость, то есть методологическая возможность опровержения теории путем постановки эксперимента, является критерием научного знания. Он также носит название критерия Поппера. – *Прим. ред.*

чение. Невозможно спорить с подобного рода объяснением, потому что, по определению, оно никогда не бывает ошибочным.

Дополнительная проблема заключается в том, что большинство непрофессионалов никогда не учили основам научного метода познания, или они забыли их. Это набор шагов, которые ведут от постановки вопроса к гипотезе, ее проверке и, наконец, анализу. И хотя люди часто используют слово «данные», они применяют его очень свободно. В разговоре часто используют слово «данные» в значении «те вещи, которые я считаю правильными», а не «те вещи, которые были подвергнуты проверке их фактической природы с помощью общепринятых правил».

И в такие моменты непрофессионалы могут возразить, что все это сплошная интеллектуальная чушь. Зачем простому человеку весь этот научный самоанализ? Всегда есть здравый смысл. Неужели этого недостаточно?

Бóльшую часть времени обычные люди не нуждаются ни в одном из научных инструментов. В повседневной жизни нам вполне хватает здравого смысла, который лучше всяких сложных объяснений. Нам, например, не нужно знать, как долго будет двигаться машина во время сильного ливня, прежде чем покрышки начнут терять сцепление с дорогой. Конечно, есть какая-то математическая формула, которая позволит узнать ответ на этот вопрос с большой точностью. Но нашему здравому смыслу не нужна никакая формула, чтобы снизить скорость при езде в плохую погоду – нам этого вполне достаточно.

Однако, когда дело касается более сложных вопросов, здравый смысл не всегда помогает. Причинно-следственные связи, характер доказательств и статистическая вероятность того или иного явления – слишком сложны, чтобы с ними мог справиться здравый смысл. Ответы на большинство сложнейших вопросов науки парадоксальны и потому противоположны нашему здравому смыслу по самой своей природе. (В конце концов, простое наблюдение говорило нашим далеким предкам, что солнце вращается вокруг земли, а не наоборот.) Простые инструменты здравого смысла способны подвести нас и сделать уязвимыми перед большими и маленькими ошибками. Вот почему непрофессионалы и эксперты часто не слышат друг друга, даже в таких тривиальных вопросах, как суеверия и народная мудрость.

Суеверия особенно тесно связаны со склонностью во всем искать подтверждения своей точке зрения и живы потому, что она и здравый смысл иногда подкрепляют друг друга.

Бабушкины сказки, суеверия и теории заговора

«Старые бабушкины сказки» и другие суеверия – это классические примеры склонности к подтверждению собственной точки зрения и использования нефальсифицируемых аргументов. Многие суеверия в какой-то мере основаны на опыте.

Так, например, хоть это и суеверие, что нельзя ходить под стремянками, но также верно, что проходить под стремянкой *опасно*. И дело не в том, что вы будете раздражать маляра: это просто глупо.

Суеверия особенно тесно связаны со склонностью во всем искать подтверждения своей точке зрения и живы потому, что она и здравый смысл иногда подкрепляют друг друга. Действительно ли черные кошки приносят несчастье? Кошки, черные или любые другие, по самой своей природе склонны попадаться под ноги. Но если мы будем иметь несчастье споткнуться о кошку, то запомним это только тогда, когда она черная. У меня дома живет очаровательная черная кошка по имени Карла, и я могу подтвердить, что она время от времени создает угрозу моей жизни и здоровью, когда я поднимаюсь или спускаюсь по лестнице. Суеверный человек, должно быть, кивнет здесь многозначительно. И тот факт, что Карла единственная кошка в доме, или что другие владельцы кошек неоднократно спотыкались о своих питомцев самой обычной полосатой масти, не будет играть никакой роли.

Однако самые вопиющие случаи склонности к подтверждению собственной точки зрения можно найти не в бабушкиных сказках и суевериях невежественных людей, а в конспирологических теориях образованных и интеллигентных людей. В отличие от простых суеверий, конспирологические теории ужасающе сложны и запутанны. Умный человек способен выстроить по-настоящему интересную конспирологическую теорию, и такие теории зачастую предлагают невероятно сложные объяснения. Это серьезные интеллектуальные упражнения как для тех, кто предлагает их, так и для тех, кто их опровергает. В целом суеверия довольно легко опровергнуть. Любой статистик подтвердит, что моя кошка, вероятно, не более и не менее опасна на лестнице, чем любая другая. Просто эти знания сидят у нас глубоко внутри. Вот почему суеверия – не более чем безвредные привычки.

А вот конспирологические теории задевают нас именно в силу сложности. Любое возражение или противоречие лишь порождает еще более каверзную теорию. Конспирологи манипулируют всеми доступными данными, чтобы обосновать свое объяснение. Хуже того, они также указывают на *отсутствие* доказательств, как на еще более сильное подтверждение их правоты. В конце концов, разве не является лучшим подтверждением действительно эффективного заговора полное отсутствие каких-либо доказательств его существования?

Факты, отсутствие фактов, взаимно противоречащие друг другу факты: все является доказательством. Ничто не способно пошатнуть лежащую в основе всякой теории веру.

Эти виды усложненных объяснений нарушают знаменитый «принцип бритвы Оккама», названный по имени средневекового монаха. Он отстаивал простую идею о том, что мы всегда должны начинать с самого простого объяснения любой вещи или явления, и переходить к более сложным объяснениям, только если есть такая необходимость. Это также называется «принципом бережливости», когда самое правдоподобное объяснение – то, которое требует минимального количества логических умозаключений или натяжек.

Представьте себе, что в соседней комнате раздается шум, а затем слышатся громкие ругательства. Вы бежите в комнату и видите там человека, который держится за ногу и прыгает с гримасой боли на лице. На полу пустой ящик и разбитые бутылки пива. Что произошло?

Большинство из нас, естественно, дадут простое объяснение, что мужчина уронил ящик на пол, ударился об него ногой и выкрикнул от боли бранные слова. Нам приходилось раньше видеть людей, которые ругаются, когда поранятся чем-то. Мы хорошо представляем, как выгля-

дят другие люди, когда испытывают боль. Не нужно строить догадки, чтобы дать разумное объяснение. Возможно, это не будет исчерпывающим объяснением, но это первая здравая оценка на основе доступных нам данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Pride Chegwedere et al., “Estimating the Lost Benefits of Antiretroviral Drug Use in South Africa”, Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes 49 (4), 1 декабря 2008.

2.
Kyle Dropp, Joshua D. Kertzer, Thomas Zeitzoff, “The Less Americans Know about Ukraine’s Location, the More they want U.S. to Intervene,” блог Monkey Cage, Washington Post онлайн, 7 апреля 2014.

3.
Jose Ortega y Gasset, The Revolt of the Masses (New York: W. W. Norton, 1993), стр. 16–18 (в русском переводе, напр.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ. – 509 с. – (Philosophy). – ISBN 5-17-007796-3)

4.
Richard Hofstadtler, Anti-Intellectualism in American Life (New York: Vintage, 1963), стр. 34.

5.
Ilya Somin, “Political Ignorance in America,” in Mark Baurelein and Adam Bellow, eds., The State of the Americam Mind (West Conshohochen, PA: Templeton, 2015), стр. 163–164.

6.
Dana Goodyear, “Raw Deal: California Cracks Down on an Underground Gourmet Club,” New Yorker, 30 апреля 2012.

7.
Olga Khazan, “27 % of American Surgeons Still Think Obamacare Has Death Panels,” Atlantic онлайн, 19 декабря 2013.

8.
Kaiser Family Foundation, 2013 Survey of Americans of the US Role in Global Health.

9.
Henry Blodget, “Here’s What Day Traders Don’t Understand”, Business Insider, 29 марта 2010.

10.
См. David Dunning, “We Are All Confident Idiots,” Pacific Standard онлайн, 27 октября 2014.

11.
Justin Kruger and David Dunning, “Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One’s Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments,” Journal of Personality and Social Psychology 77(6), декабрь 1999, стр. 1121–1122.

12.
Dunning, “We Are All Confident Idiots”.

13.

John Allen Paulos, Innumeracy, Mathematical Illteracy and Its Consequences (New York: Hill and Wang, 2001), стр. 9.

14.
Michael Crichton, “Panic in the Sheets”, Playboy, декабрь 1991, копия на MichaelCrichton.com

15.
Существует целая область математической статистики, т. н. «байесов анализ», названный по имени английского математика XVIII столетия, посвященная именно этой проблеме.

16.
Ученые, занимающиеся общественными науками, знакомы с этой проблемой, как никто другой. См. Charles O. Jones, “Doing before Knowing: Concept Development in Political Research,” Amreican Journal of Political Science 18(1), февраль 1974.

17.
Maria Konnikova, “How a Gay-Marriage Study Went Wrong,” New Yorker онлайн, 22 мая 2015.